

РОЙ МЕДВЕДЕВ

**СОВЕТСКИЙ
СОЮЗ**

Рой Медведев

Советский Союз.
Последние годы жизни

«WebKniga»

2015

Медведев Р. А.

Советский Союз. Последние годы жизни / Р. А. Медведев —
«WebKniga», 2015

ISBN 978-5-9691-0859-2

Книга, предлагаемая вниманию читателей, была начата Р. Медведевым еще в конце 1991 года, и работа над ней продолжалась почти двадцать лет. Основана она не только на документах и многочисленных воспоминаниях участников тех событий, но и на собственных впечатлениях автора, его встречах и беседах. По его словам, он «старался быть объективным, насколько это вообще возможно при описании и анализе событий, столь сильно изменивших всю нашу прежнюю жизнь». Эту книгу можно было бы назвать и политической биографией М. Горбачева, не будь она так густо населена и другими персонажами заметно проявлявшими себя в государственных и общественных действиях. Одной из основных идей книги является положение о том, что дряхлеющая политическая система СССР вынесла на поверхность деятеля, не готового взять руль и вследствие этого неизбежно отправившего истрепанный в политических и экономических бурях корабль на рифы.

ISBN 978-5-9691-0859-2

© Медведев Р. А., 2015

© WebKniga, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть I. Как начиналась перестройка	7
Глава первая	7
Новый лидер	7
Первая команда Михаила Горбачева	15
Главное звено перестройки – борьба с пьянством	20
Об экономических начинаниях 1985–1986 гг	24
«Номенклатурная революция»	29
О борьбе с «нетрудовыми доходами»	31
Чернобыльская катастрофа	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Рой Медведев

Советский Союз. Последние годы жизни

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

© Рой Медведев, 2015

© Валерий Калныньш, макет и оформление, 2015

© «Время», 2015

Предисловие

Книга, которую я предлагаю вниманию читателей, была начата еще в конце 1991 года, и работа над ней продолжалась с небольшими перерывами на протяжении последних семнадцати лет. Отдельные главы и разделы этого труда публиковались в виде статей в газетах, журналах или в форме брошюр, и не только в России, но и в Китае, где интерес к событиям в СССР в последние годы его жизни и к причинам распада СССР и КПСС был особенно велик. В настоящем издании я собрал все эти материалы вместе и существенно их доработал. За событиями 1985–1991 гг. я наблюдал не только очень внимательно, но и с близкого расстояния. Поэтому моя книга основана не только на документах и многочисленных воспоминаниях участников тех событий, но и на собственных впечатлениях, встречах и беседах. Я старался быть объективным, насколько это вообще возможно при описании и анализе событий, столь сильно изменивших всю нашу прежнюю жизнь.

Автор

Часть I. Как начиналась перестройка

Глава первая Новые люди в Кремле и на Старой площади

Новый лидер

Еще в конце 1970-х гг. Советский Союз вступил в полосу многостороннего и глубокого кризиса, одной из составляющих которого был кризис кадров. Средний возраст членов Политбюро ЦК КПСС составлял в 1980 г. около семидесяти пяти лет. В этом высшем органе партийной и государственной власти заседали и решали дела страны не просто очень старые, но и весьма больные люди с догматическими взглядами на мир, не имевшие ни желаний, ни ресурсов для проведения необходимой модернизации системы и для реформ. Когда ушел со своего поста, а вскоре и умер один из наиболее компетентных советских лидеров – А. Н. Косыгин, его сменил на посту Председателя Совета Министров СССР 76-летний Н. А. Тихонов, человек, гораздо менее компетентный и более консервативный. В самом начале 1982 г. умер «главный идеолог» КПСС 80-летний М. А. Суслов. В ноябре 1982 г. умер в возрасте 76 лет Леонид Ильич Брежнев, которого сменил на посту Генерального секретаря ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов. Он был на несколько лет моложе и много компетентнее прежнего лидера. Однако Ю. В. Андропов был уже тяжело болен и продержался у власти всего 14 месяцев. Еще меньше находился на посту лидера партии и государства Константин Устинович Черненко, который большую часть отведенного ему срока провел в больнице и умер вечером 10 марта 1985 г.

Из высших руководителей страны первым о смерти Черненко узнал Михаил Сергеевич Горбачев – второй секретарь ЦК КПСС, который во время болезни Генерального секретаря ЦК заменял его на заседаниях Политбюро и Секретариата ЦК КПСС. Горбачев уже вернулся с работы на свою дачу, когда ему позвонил главный кремлевский медик Евгений Чазов, а вслед за ним и Председатель КГБ Виктор Чебриков. Затем уже сам Горбачев сообщил о смерти Черненко Николаю Тихонову и Андрею Громыко, не только старейшим по возрасту, но и наиболее влиятельным тогда членам Политбюро. 80-летний Н. А. Тихонов занимал пост Председателя Совета министров СССР, а 75-летний А. А. Громыко был не только министром иностранных дел, но и одним из первых заместителей премьера. После них сообщение о смерти Черненко получили и все другие члены Политбюро, а также секретари ЦК КПСС. Информационные агентства никаких сообщений в этот вечер из Кремля или со Старой площади не получили.

Совместное заседание пока еще неполного состава Политбюро и Секретариата ЦК КПСС началось в 11 часов вечера, и его вел Горбачев. Все присутствующие почтили память К. У. Черненко минутой молчания. Обсуждение было недолгим, и споров не было. Вопрос о новом лидере страны и партии в этот вечер не поднимался. Было решено созвать на следующий день Пленум ЦК КПСС. Было принято также решение о Комиссии по похоронам К. У. Черненко, председателем которой стал М. Горбачев. Имя нового лидера должно было определить на следующий день более полное заседание Политбюро, на котором вечером 10 марта не могли присутствовать руководители союзных республик и ленинградский партийный лидер Григорий Романов. Однако в ночных телефонных разговорах между деятелями партийного и государственного руководства называлось только одно имя – Михаил Горбачев.

Смена власти в стране произошла на этот раз даже спокойнее и быстрее, чем после смерти и Л. И. Брежнева, и Ю. В. Андропова. Новое заседание Политбюро началось 11 марта в 2

часа дня, и его также вел М. Горбачев. В его руках уже были сосредоточены все нити и все рычаги власти. Его поддерживали министр обороны СССР С. Л. Соколов и Председатель КГБ В. М. Чебриков. Всем было известно также, что именно кандидатуру М. Горбачева поддерживает подавляющее большинство первых секретарей обкомов партии, а это была основная часть состава ЦК КПСС. Все понимали тогда, что Черненко пришел к власти ненадолго, и разговоры о его возможном преемнике были главной темой при неофициальных встречах в аппарате ЦК КПСС и во всех других высших структурах партии. Да и кто другой мог тогда претендовать на пост Генерального секретаря ЦК КПСС? Новый лидер мог появиться только из состава Политбюро, а выбор здесь был невелик. Многие люди в ЦК знали о неприязненных отношениях между Горбачевым и Тихоновым. Однако авторитет Н. Тихонова и как хозяйственного, и как политического руководителя был крайне незначителен. Не мог составить конкуренцию М. Горбачеву и московский партийный лидер 70-летний Виктор Гришин, которого также причисляли к недоброжелателям М. Горбачева. Но именно Гришин на вечернем заседании Политбюро 10 марта предложил избрать председателем Комиссии по похоронам Черненко Михаила Горбачева. В аппаратных разговорах можно было встретить упоминание о Григории Романове, который больше десяти лет возглавлял Ленинградский обком КПСС, а в 1983 г. был выдвинут Юрием Андроповым на пост одного из секретарей ЦК КПСС. 62-летний Г. В. Романов был много более опытным партийным руководителем, чем М. Горбачев, и явно превосходил его по интеллекту. Но он считался консерватором и сторонником жесткого стиля руководства. За Романовым тянулся шлейф разнообразных слухов, и он не был популярен ни в Ленинграде, ни в Москве. Самым сильным по интеллекту, по политическим способностям и по деловым качествам членом Политбюро был в 1985 г. 62-летний Гейдар Алиев. Но он работал в Москве всего около двух с половиной лет и был переведен сюда из мусульманского Азербайджана. Алиев обладал сильной волей, огромной работоспособностью и исключительной памятью. К тому же у него была довольно яркая по тем временам политическая биография. Но у него не имелось никакой группы поддержки в аппаратах власти в Москве, и он старался не выказывать здесь никаких амбиций.

По свидетельству Егора Лигачева, заседание Политбюро в Кремле началось 11 марта не в два, а в три часа дня. Обратившись к собравшимся здесь членам и кандидатам в члены Политбюро, а также к секретарям ЦК КПСС, М. Горбачев сказал: «Нам предстоит решить вопрос о Генеральном секретаре. В 5 часов назначен Пленум, и мы в течение двух часов должны рассмотреть этот вопрос». Почти мгновенно и неожиданно для всех поднялся Андрей Громыко и произнес короткую, но очень эмоциональную речь с восхвалениями Михаила Горбачева. Это была тщательно подготовленная «импровизация». В составе Политбюро А. А. Громыко был самым опытным оратором, и его речь произвела сильное впечатление на всех присутствующих, включая и самого Горбачева. Уже через несколько дней страничка с текстом этой речи Громыко стремительно распространилась в Москве как некий документ «самиздата». Вслед за Громыко выступил с поддержкой Горбачева и Николай Тихонов. Затем начали выступать один за другим и все присутствующие: сначала члены Политбюро, затем кандидаты в члены Политбюро, потом и секретари ЦК КПСС. Все они высказались, конечно же, за кандидатуру Горбачева. На состоявшемся вскоре Пленуме ЦК КПСС, также после выступления А. А. Громыко, М. С. Горбачев единогласно был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС.

От момента смерти К. У. Черненко и до избрания нового Генерального секретаря прошло лишь около двадцати часов. Радио и телевидение сообщили стране и миру о смерти советского лидера только 11 марта, но в газеты эти сообщения попали лишь 12 марта и были опубликованы на второй странице. На первой странице всех московских газет были помещены портрет М. С. Горбачева и сообщение об избрании его Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Похороны К. У. Черненко, которые состоялись 12 марта на Красной площади в Москве, проходили без чувства скорби, но и без чувства тревоги. Многие политические наблюдатели

высказывали надежду на то, что вместе с Горбачевым к управлению страной и партией сможет прийти новое поколение руководителей, которое будет отличаться в лучшую сторону от поколения таких лидеров, как Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов и Д. Ф. Устинов, к недавним могилам которых на почетном кладбище у Кремля, недалеко от могилы Сталина, добавилась еще одна могила – К. У. Черненко. Об умершем только что генсеке почти ничего не писали и не говорили в эти дни в газетах и на телевидении. Да, конечно, Черненко никогда не был популярным лидером. Его избрание в феврале 1984 г. на пост главы партии и государства вызвало недоумение большинства западных экспертов и сопровождалось почти открытым ропотом значительной части населения страны и особенно интеллигенции. Черненко считался одним из наиболее консервативных и малообразованных деятелей из ближнего окружения Брежнева, и от этого лидера никто не ждал каких-либо прогрессивных начинаний. К тому же Черненко уже тогда был тяжелобольным человеком, и поэтому наблюдатели и журналисты обсуждали в 1984 г. не столько деятельность советского лидера, в которой не было ничего значительного, сколько состояние его здоровья и перспективы, связанные с его вероятным и скорым уходом.

Выдвижение Черненко после смерти Ю. Андропова показало, что влияние политического клана Брежнева было все еще очень велико, хотя этот клан и понес существенные потери в результате энергичной деятельности Ю. Андропова. Однако и «год Черненко» не пошел на пользу этой состарившейся и во многих отношениях скомпрометированной политической группировке. Больной и слабый Черненко не сумел консолидировать власть в Кремле и в стране, да он и не ставил перед собой и перед партией никаких амбициозных политических целей. Его приход к руководству не сопровождался поэтому ни возвращением худших порядков последних лет Брежнева, ни полным прекращением начатых при Андропове ограниченных экспериментов и реформ. Да, целый год был практически потерян. Но вопреки опасениям Черненко оказался наилучшей по тем временам переходной фигурой, и он сумел заполнить тот вакуум власти, который образовался в партии и в стране после смерти Андропова. Находясь в больнице с декабря 1984 г., Черненко был не в состоянии управлять страной из больницы, как это делал, и не без успеха, больной Юрий Андропов. На редкие звонки и записки К. Черненко из больницы никто не смотрел как на директиву. Большая часть проблем просто откладывалась, а те проблемы, которые казались неотложными, решались в Кремле и на Старой площади коллегиально. Это и помогло росту влияния той группы более молодых политиков, которые после смерти Черненко начали без серьезной борьбы перенимать власть в стране и в партии.

В 1984 г. почти все предсказания западных советологов и кремлевцев по поводу наиболее вероятного преемника сходились на фигуре Михаила Горбачева. Поездка М. С. Горбачева и его супруги Раисы Максимовны в Англию в декабре 1984 г. рассматривалась многими экспертами как «смотрины» нового лидера на Западе, и смотрины прошли для Горбачева вполне успешно. Западные журналисты внимательно следили за каждым шагом этой четы от ее появления в аэропорту Хитроу до отлета. Все отметили, что Горбачев «приветливо улыбался и был одет в хорошо сшитый костюм». Один из биографов Маргарет Тэтчер, Крис Огден, писал позднее: «Горбачевы ошеломили обычно флегматичных британцев. Проходя по зданию парламента, Горбачев попеременно то острил, то принимался спорить с членами парламента. Британцы заулыбались, когда он упомянул, что читал “Коридоры власти” Ч. П. Сноу. Во время посещения Британского музея, где Карл Маркс работал над “Капиталом”, он пошутил, что “людям, которым не нравится Маркс, следует винить в этом Британский музей”. Он приобрел несколько костюмов у Дживса и Хока, консервативных портных в Сэвил-Роу, которые шили военную форму для многих поколений королевской семьи. Раиса серьезно относилась к покупкам. Британские бульварные газеты лихорадило, когда она носилась по Лондону и размахивала золотой карточкой “Америкэн экспресс” в “Харродсе”. Она приобрела бриллиантовые серьги

у Картье за 1780 долларов и пропустила запланированное посещение могилы Карла Маркса, чтобы взглянуть на королевские драгоценности в лондонском Тауэре. Позднее М. Тэтчер обнаружит, что Раиса не какая-нибудь любительница развлечений, а достаточно умная, хотя порой и раздражающе прямолинейная женщина»¹. М. Горбачев встретился с М. Тэтчер в резиденции британских премьеров Чекерс на ленче. Один из помощников Тэтчер позднее свидетельствовал: «С самой первой секунды он произвел очень сильное впечатление. От него исходило ощущение силы, энергии, как от сжатой пружины. Он с готовностью улыбался, лицо было подвижным, а не мрачным и суровым, как у какого-нибудь Громыко, мог он и весело пошутить»². М. Тэтчер была удивлена не только откровенностью, но и некоторым многословием Горбачева: их беседа-дискуссия продолжалась почти четыре часа, не прерываясь ни на минуту. Вывод, который сделала Тэтчер после встреч с Горбачевым, стал вскоре известен всем западным лидерам: «Это человек, с которым можно иметь дело». Именно Тэтчер прилетела в Москву 11 марта 1985 г. на похороны К. У. Черненко. Горбачев уделил беседе с ней около часа, гораздо больше, чем всем другим гостям Москвы в эти траурные дни.

Избрание М. С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС было встречено в самом Советском Союзе и в рядах партии положительно, но без воодушевления. Новый лидер мог появиться тогда лишь из состава Политбюро и с одобрения ЦК КПСС, и потому почти все заинтересованные наблюдатели расценивали возвышение Горбачева как лучший вариант из тех, что были вообще реальны и возможны. Если даже самые осведомленные из нас мало что могли сказать в марте 1985 г. о Горбачеве, то уже в первые два года энергичной деятельности М. С. Горбачева на посту генсека о нем было написано и издано около пятнадцати книг, одна из которых принадлежала перу моего брата Жореса³. Конечно, и я помогал ему чем мог. В последующие шесть лет о Горбачеве и его не слишком успешной реформаторской деятельности было опубликовано в разных странах более двухсот книг, в которых можно найти самые различные оценки и суждения. Одни авторы пытались представить М. Горбачева не просто защитником интересов Запада или «агентом влияния» Соединенных Штатов, но и посланником самых темных, тайных и едва ли не высших, но злых сил, которые стремились разрушить не только Советский Союз, но и весь коммунистический мир, а также Россию – и как государство, и как нацию. Другие авторы причисляли Михаила Горбачева к самым великим реформаторам XX века и ставили его в этом качестве в один ряд с такими лидерами, как Франклин Рузвельт, Конрад Аденауэр, Нельсон Мандела и Дэн Сяопин. Были даже такие авторы, которые называли М. Горбачева «четвертым пророком», пришедшим в мир после Моисея, Будды и Магомета. Мало кто мог бы согласиться сегодня с подобного рода преувеличенными оценками как негативной, так и позитивной стороны в деятельности М. Горбачева. Он не был ни великим реформатором, ни великим разрушителем устоев. Он просто не был готов к преодолению тех проблем и болезней, корни которых были скрыты в недрах нашего общества и государства. Вся последующая цепь событий в большей мере тащила за собой Горбачева и его окружение, а не управлялась ими. Однако именно Михаил Горбачев, явно не желая этого, разрушил то хрупкое равновесие, которое все еще сохранялось в нашем обществе и могло, по-видимому, сохраняться еще не одно десятилетие.

Мой собственный анализ первых лет деятельности М. Горбачева содержался в двух книгах, которые были написаны и опубликованы в форме диалогов с известным итальянским журналистом Джульетто Кьезой, представлявшим в 1985–1990 гг. газету «Унита». Я также пытался освещать и комментировать в западной печати каждый сколько-нибудь значительный

¹ *Огден К. Мэгги: Интимный портрет женщины у власти // Иностранная литература. 1991. № 4.*

² *Аргументы и факты. 1991. № 36. С. 5.*

³ *Medvedev Z. Gorbachev. Oxford, 1986; 1988.*

поворот перестройки⁴. В основном речь шла тогда об изложении наших надежд, ожиданий, но также и опасений. События происходили слишком быстро, и наша информация о них была слишком неполной. Перед нашими глазами происходили не продуманные реформы, а хаотические попытки проведения таких реформ, причем в самых различных направлениях. М. Горбачев редко мог объяснить мотивы и причины тех или иных своих решений, и мы пытались найти эти объяснения в особенностях его прежней политической карьеры, которая не была богата какими-либо значительными достижениями.

Политическая биография Михаила Горбачева до 1985 г. очень бедна событиями. Важно отметить, что он был первым советским и партийным лидером, не имеющим никаких военных заслуг. В июне 1941 г. он жил в селе Привольное Красногвардейского района Ставропольского края, и ему было тогда всего десять лет.

Но он должен был хорошо помнить трудные военные годы, когда немецкие войска сумели в августе 1942 г. захватить Ставрополь и оккупировать весь этот богатый край. Отец М. Горбачева прошел всю войну на фронтах простым солдатом, а вернувшись домой после Победы, работал до начала семидесятых механизатором. Его старший сын Михаил также очень рано начал работать в совхозе помощником комбайнера и был награжден в 1946 г. орденом Трудового Красного Знамени. Эта награда очень помогла молодому комсомольцу в его карьере и открыла возможность учиться в столичном университете. В год смерти Сталина Горбачев был еще студентом юридического факультета МГУ. Он никогда, даже на демонстрациях, не видел Сталина, но смог побывать на его похоронах.

Окончив МГУ, 24-летний М. Горбачев вернулся в Ставрополь и начал работать здесь в крайкоме комсомола. Он приехал сюда с молодой женой – Раисой Максимовной, которая также была выпускницей МГУ, но училась на философском факультете. М. Горбачев не мог не испытать на себе влияния XX съезда КПСС, итоги и значение которого ему приходилось разъяснять ставропольским комсомольцам. На XXII съезде КПСС Горбачев присутствовал уже в качестве делегата: он занимал в 1961 г. пост первого секретаря крайкома ВЛКСМ. Вместе с другими делегатами съезда он голосовал за вынос тела И. В. Сталина из Мавзолея и за переименование Сталинграда. Можно было предположить поэтому, что проблема реабилитации Сталина, которую так долго готовились провести как Л. Брежнев, так и К. Черненко, не будет актуальной для нового генсека. Карьера М. Горбачева была слишком прямой, а его жизнь была слишком безоблачной, и это, конечно, не способствовало выработке у него сильного характера. Вся деятельность М. Горбачева на протяжении десятков лет ограничивалась пределами нескольких зданий в родном для него Ставропольском крае. Ему не приходилось решать никаких острых проблем, и его работа как в комсомоле, так и в партийной организации не омрачалась никакими конфликтами. Все шло по хорошо накатанной колее. Даже в армии молодому Горбачеву служить не довелось, и он был единственным партийным лидером после Ленина, который никогда не носил военной формы.

В 1962 г. Михаил Горбачев перешел на работу в крайком партии, возглавив здесь отдел партийных органов, а еще через два года – организационный отдел крайкома. Это была чисто чиновничья аппаратная работа, которая мало чему могла научить. Первым секретарем Ставропольского крайкома был в начале 1960-х гг. Федор Кулаков, энергичный и сильный лидер, который не боялся активно выступать против многих неразумных начинаний и реформ Н. С. Хрущева в сельском хозяйстве. Сразу же после смещения Хрущева Кулакова вызвали в Москву, где он возглавил Отдел сельского хозяйства в ЦК КПСС. Через год он был избран секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, а еще через несколько лет и членом Политбюро ЦК. Ф. Кулакова в Ставрополье сменил Леонид Ефремов, один из ближайших соратников Н. С.

⁴ *Medvedev R., Chiesa Giulietto. L'URSS che cambia. Roma, 1987; Medvedev R., Chiesa Giulietto. La Rivoluzione di Gorbacev. Milan, 1989; Medvedev R. La Russia della Perestrojka. Firenze, 1988.*

Хрущева. Л. Ефремов уже работал более десяти лет во главе партийных организаций в крупных российских областях, а в 1962 г. он возглавил созданное в Москве Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Он явно тяготился работой в Ставрополье и через несколько лет ушел отсюда снова в Москву – в Государственный комитет СССР по науке и технике. У Михаила Горбачева сложились хорошие отношения как с Кулаковым, так и с Ефремовым. В сентябре 1966 г. М. Горбачев был избран первым секретарем Ставропольского горкома КПСС. Эта должность предполагала несколько большую, чем прежде, самостоятельность, однако многому научиться здесь было нельзя. Ставрополь был в то время небольшим и очень провинциальным городом, население которого составляло около двухсот тысяч человек. Здесь не было крупных и известных стране промышленных предприятий или культурных центров. Город не имел ни собственного оригинального стиля, ни заметной истории. Культурным и общественным центром Ставропольского края был курортный комплекс Минеральные Воды, включавший города Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск, а также секретный в то время город Лермонтов. В самом начале 1970 г. Л. Ефремов покинул Ставрополь. В апреле 1970 г. по рекомендации Ф. Кулакова и при поддержке М. Суслова, который также возглавлял в прошлом Ставропольский край, Михаил Горбачев был избран первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. Еще через год он вошел и в состав ЦК КПСС.

На посту первого секретаря Ставропольского крайкома партии Горбачев работал девять лет – с 1970 по 1978 г. Власть первого секретаря в пределах области или края была огромной, он получил ее от ЦК КПСС и должен был отчетываться за свои действия только перед Секретариатом и Политбюро ЦК КПСС. Горбачев хорошо все это понимал, и все его «собеседования» в Москве с секретарями ЦК И. В. Капитоновым, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулаковым и М. А. Сусловым прошли успешно. После этого у него состоялся четырехчасовой, но весьма пустой разговор с Л. И. Брежневым, который происходил в кабинете генсека на Старой площади. Вспоминая позднее этот разговор, Горбачев не смог удержаться от удивленного восклицания: «Мог ли я подумать, что через 18 лет этот кабинет станет моим рабочим местом?». М. Горбачев в своих мемуарах ошибается: он занял кабинет генсека на Старой площади, а также в Кремле не через 18, а через 15 лет.

Проработав на посту первого секретаря обкома почти десять лет, М. Горбачев ничем особенным здесь не отличился и даже мало запомнился своим землякам. Уже в 1985 г. многие из корреспондентов как западных, так и российских газет поспешили в Ставрополь, чтобы узнать какие-то неизвестные им детали к пока еще очень неопределенному и бледному политическому портрету нового советского лидера. Но журналистов ждало разочарование – они не обнаружили никаких сенсаций. Большинство местных партийных работников, деятелей интеллигенции и журналистов областных газет могли рассказать немало интересных историй о Федоре Кулакове, который был здесь очень популярен и оставил по себе хорошую память. Но о «правлении» Горбачева никто не мог вспомнить ничего особенно интересного. Он не был крут или жесток, но не был и уступчив или мягок. Он говорил хорошо и без бумажек, но не особенно содержательно и даже уклончиво. Как и все другие секретари обкомов, он часто начинал свои выступления с восхвалений Л. Брежнева и активно поддерживал все политические кампании 1970-х гг., в том числе и по изучению литературных сочинений Леонида Ильича. По состоянию сельского хозяйства Ставропольский край не считался отстающим, но и похвалиться большими успехами также не мог. Урожай в 15–16 центнеров зерновых с гектара считался здесь весьма приличным, бывало и хуже. Некоторые из начинаний Горбачева на Ставрополье были просто восстановлением давно забытого старого. Не без трудностей он смог убедить Л. Брежнева и Ф. Кулакова разрешить обкому постепенное восстановление чистых паров – без них степное зерновое хозяйство, да еще при частых засухах, вести было нерационально. Почти полная отмена паров — это была одна из авантюрных идей Н. С. Хрущева. У Горбачева на Ставрополье не оказалось поклонников и последователей, к нему здесь проявили равнодушные

и вспоминали мало, да и он не так уж часто вспоминал родной край на своих новых постах в Москве. Это казалось странным, но у Горбачева не оказалось в городе и крае друзей или команды. Поэтому, выдвинувшись еще в 1978 г. на высокие посты в Москве, он не потянул за собой никакой группы «ставропольцев», подобно тому как Л. И. Брежнев тянул за собой соратников из Днепропетровска и Молдавии. У Горбачева не было в партийных кругах никакой неофициальной репутации – ни плохой, ни хорошей. Он не был коррумпирован, как С. Ф. Медунов из Краснодарского края, и это было очевидно. Но он никак и не отличился в борьбе против коррупции, как это пытались сделать Г. Алиев и Э. Шеварднадзе в Закавказье. А между тем уровень коррупции в Ставропольском крае был высоким. В отличие от хлебо-солёного Кулакова М. Горбачев и его семья жили в краевом центре очень замкнуто. У первого секретаря не было никаких увлечений. Его жена работала преподавателем на экономическом факультете местного сельскохозяйственного института. За десять лет она опубликовала две статьи и защитила кандидатскую диссертацию. Тема этих весьма скромных социологических исследований – изменение материального положения крестьянских семей на Ставрополье.

Одной из главных забот Горбачева было расширение в крае мелиорации и газификации. Развивалась не слишком значительная промышленность, в областном центре строились новые дома. В Москве никто бы не заметил и не вспомнил о Горбачеве, если бы в Ставропольском крае не было столь знаменитого лечебного курорта, как Минеральные Воды, о котором писали еще побывавшие здесь А. Пушкин, М. Лермонтов и Лев Толстой. Болезни сердца, желудка, печени, почек – у кого из власть имущих их не было. На курорте имелись государственные дачи и элитные санатории ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС, других ведомств страны, включая и КГБ. Каждого из самых важных гостей должен был встречать и обулаивать руководитель обкома. Менее важных гостей встречали заместители М. Горбачева. Народных артистов СССР или известных писателей принимали у себя секретари райкомов и горкомов курортных городов. Естественно, у Горбачева появилось множество полезных связей. Особенно хорошие отношения сложились у него с Председателем Совета Министров А. Н. Косыгиным и с Председателем КГБ Ю. В. Андроповым. Михаил Горбачев нравился московским гостям, предпочитал встречаться с ними в неформальной обстановке в каком-либо живописном месте, которыми так богат Северный Кавказ. Он держался с достоинством и не угодничал. Но он был также и максимально приветлив и вежлив, умея найти верный стиль отношений, когда играл роль и хозяина края, и лояльного подчиненного. Биограф и апологет М. Горбачева Андрей Грачев не один раз называл М. Горбачева «самородком». Мне трудно сегодня согласиться с таким определением. Да, конечно, Горбачев мог производить впечатление очень оригинального и необычного для своей среды человека, особенно на фоне тех серых, убогих и малообразованных людей, которыми был переполнен тогда аппарат ЦК КПСС и которых было так много среди первых секретарей обкомов и крайкомов партии. Горбачев был ловок, вежлив, дисциплинирован, но не вельможен. Он ходил на работу пешком, а не ездил на лимузине, как это делали другие секретари обкомов. На Горбачева не было никакого компромата, он был по тем временам честен и чист. Подарки, которые он делал своим важным гостям, были очень скромны: обычно это был кавказский кинжал с красивой рукояткой или ножнами, но без драгоценных камней. Совсем не то, что дарили тем же людям в Грузии или в Азербайджане. К тому же Горбачев мог поддерживать разговор на любую тему. При столь больших возможностях для общения он этому научился очень быстро. Известных писателей, знаменитых артистов, а также других влиятельных деятелей творческой интеллигенции встречал в аэропорту не Горбачев. Но их приглашали обычно в тот или иной день их пребывания на курорте в Ставрополь в кабинет М. Горбачева, и после беседы с ним они также могли получить красивый кавказский кинжал. Эти беседы заменяли первому секретарю крайкома получение образования: для чтения серьезных книг у таких людей не было времени. Андрей Грачев вполне искренне свидетельствовал, что именно поддержка М. Горбачева другими лидерами партии обеспечила

ему столь необычно быстрый карьерный взлет: оказаться в 39 лет во главе большого края было по тем временам делом необычным. «Почему, – задавался вопросом А. Грачев, – столь непохожие люди, как Кулаков и Андропов, да и другие достаточно типичные советские руководители на разных этапах его карьеры благоволили к нему, поддерживали и, чуть ли не передавая из рук в руки, продвигали все выше? В этом списке покровителей, точнее, заботливых «поводырей» будущего разрушителя устоев того порядка, сохранению которого они посвятили свою жизнь, окажутся и М. А. Суслов, и А. Н. Косыгин, и Д. Ф. Устинов, и А. А. Громыко, и сам Л. И. Брежнев. Одно из расхожих объяснений сводится к карьерному таланту Горбачева, умению подыгрывать, вовремя поддакнуть и понравиться любому начальнику. В общем, он как бы всех обвел вокруг пальца. Однако такая версия слишком проста для всех этих в общем-то весьма искушенных и отнюдь не наивных политиков, прошедших уникальную сталинскую школу. В лице Горбачева, как им казалось, растет молодая поросль энергичных и компетентных руководителей»⁵. Вот именно – «им казалось». Горбачев мог казаться самородком, в нем был внешний блеск, но не было глубины. Это не золото настоящего большого самородка, но лишь позолота. Горбачев был очень поверхностен. Прочитав и просмотрев большую часть его выступлений до 1985 г., я не нашел там ни одной оригинальной идеи, мысли, которую можно было бы здесь процитировать. Конечно, это не его вина и даже не его беда. Это неизбежное и естественное следствие всей той кадровой политики и политики вообще, которую на протяжении десятилетий проводила КПСС. Никаких самородков и никаких золотых россыпей образоваться в этой системе не могло. Наиболее ярких и сильных людей, по-настоящему компетентных, думающих и самостоятельных, эта политика и эта система выталкивали и выбрасывали, обрекая на прозябание. В такой системе Юрий Андропов мог оказаться просто провидцем, а Михаил Горбачев – занять пост главного лидера. Поддержка Ю. Андропова была, как мы знаем, особенно сильной. Именно он настоял, чтобы после самоубийства Ф. Кулакова в 1978 г., вокруг мотивов и причин которого нет ясности и сегодня, М. Горбачев был назначен секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству.

Работа секретаря ЦК или министра сельского хозяйства была в Советском Союзе чаще всего не трамплином, а могилой для многих карьер. М. Горбачев это знал, и его появление на Старой площади не сопровождалось проявлением сколько-нибудь заметных инициатив. Он был осторожен и лоялен к тем старым лидерам, которые его окружали. Никаких реформ М. Горбачев не предлагал. В 1980 г. его избрали членом Политбюро. В свои 49 лет он был самым молодым членом Политбюро, и это было отмечено в комментариях советологов Запада. Однако главное внимание было приковано к другим членам Политбюро, между которыми шла скрытая борьба за власть. М. Горбачева считали союзником Ю. Андропова. Но у Андропова были тогда гораздо более влиятельные союзники и гораздо более сильные противники. У самого Горбачева не было в высших эшелонах власти никакой собственной политической базы.

После смерти Брежнева и выдвижения Андропова Михаил Горбачев вошел в ближайшее окружение нового генсека. Уже к концу 1983 г. обязанности и полномочия Горбачева были расширены. Вокруг него постепенно формировалась группа новых секретарей и членов ЦК КПСС, но эта группа была создана не Горбачевым, а самим Андроповым, и она не была готова еще к управлению страной и партией, когда Ю. В. Андропов умер. М. Горбачеву в марте 1985 г. было 54 года, и все называли его «молодым». Он и был моложав, здоров, энергичен, но не молод. В. И. Ленина в 40 лет называли «стариком», а в 54 года он уже умер. Горбачев был молод и неопытен как политик и как лидер. По существу, он имел опыт руководства только в одной отрасли и в одном регионе страны. Посещение осенью 1984 г. Центра им. Хруничева под Москвой было первым для Горбачева знакомством с очень большим заводом, производящим ракеты. Таких масштабных предприятий он еще никогда не видел. Гостю решили пока-

⁵ Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 37.

зять процесс стыковки, проводимой на большом специальном стенде. Конструктор стыковочных узлов предупредил Горбачева, что при стыковке будет громкий хлопок. На заводе знали, что гости, не предупрежденные об этом, могут вести себя неадекватно. Через несколько месяцев, увидев большие портреты М. Горбачева во всех газетах, работники Центра им. Хруничева были удивлены. Пожалуй, никогда во главе СССР и КПСС не стоял в прошлом столь малоизвестный, не искушенный в делах власти и управления человек, каким был в марте 1985 г. Михаил Горбачев. Власть досталась М. Горбачеву слишком легко, и удержать ее в своих руках оказалось для него непосильной задачей. Но об этом он тогда еще не знал и не думал.

Первая команда Михаила Горбачева

И западные эксперты, и почти все люди в аппаратах власти в Москве и в столицах союзных республик очень внимательно следили за первыми шагами нового генсека и ловили каждое его слово. Ни взгляды, ни предпочтения Горбачева не были известны даже близко стоявшим к нему людям. Да и сам Горбачев об очень многих вещах и о важных проблемах узнавал только теперь, когда власть оказалась в его руках. От него ждали решений, к которым сам он не был готов. В своих первых выступлениях в марте 1985 г. Горбачев был осторожен и не обозначил никаких программных тезисов. Однако он вовсе не выглядел в эти дни человеком нерешительным или колеблющимся, нет, он был явно воодушевлен и полон энергии. Первым советником Михаила Горбачева, с которым он и позже обсуждал каждое свое решение, была его жена, Раиса Максимовна. Вернувшись из Кремля поздно вечером 10 марта, он говорил с ней очень долго, и главный его тезис состоял всего из четырех слов: «Так дальше жить нельзя». Он повторил эти слова в последующие недели несколько раз на заседаниях Политбюро. Горбачев выделяет эти же слова как заголовок одного из разделов в своих мемуарах. Однако другого и много более важного тезиса – «Как надо жить дальше» – Горбачев сформулировать не смог ни в марте 1985 г., ни много позже. В любом случае М. Горбачев понимал, что он должен сделать ряд неизбежных кадровых перестановок. Самые главные из них были произведены весной и летом 1985 г. Уже на апрельском Пленуме ЦК КПСС членами Политбюро были избраны Егор Лигачев, Николай Рыжков и Виктор Чебриков. Н. Рыжков, в прошлом главный инженер и директор «Уралмаша», был выдвинут еще Юрием Андроповым и переведен из руководства Госплана на пост секретаря ЦК КПСС и руководителя нового – Экономического отдела ЦК. Было очевидно, что именно Николай Рыжков должен будет сменить 80-летнего Н. А. Тихонова на посту Председателя Совета Министров СССР. Лишь по тактическим соображениям эта замену осуществили в сентябре 1985 г. Егор Лигачев, профессиональный партийный работник, также был выдвиженцем Ю. Андропова. В 1983 г. Е. Лигачев, занимавший тогда пост первого секретаря Томского обкома КПСС, был назначен на пост секретаря ЦК КПСС и заведующего Отделом организационно-партийной работы в ЦК. 65-летний Егор Лигачев был как партийный работник много опытнее М. Горбачева. Е. Лигачев работал на высоких постах в ЦК КПСС еще при Н. Хрущеве, а еще ранее возглавлял партийную организацию Новосибирской области. Теперь, в 1985 г., полномочия Е. Лигачева были расширены, и он помимо организационных и кадровых вопросов должен был решать и идеологические проблемы. В иерархии ЦК КПСС он стал вторым человеком после Михаила Горбачева. Е. К. Лигачев был предельно честным, бескорыстным и щепетильным, но во многих отношениях ограниченным и консервативным человеком. Своей главной задачей он считал борьбу за идеологическую и нравственную чистоту КПСС и ее кадров. С мая 1985 г. Е. Лигачев вел почти все заседания Секретариата ЦК КПСС, а в отсутствие Горбачева и заседания Политбюро. На Старой площади М. Горбачев перешел в кабинет № 6 на пятом этаже, оборудованный для работы генсека. Егор Лигачев занял на том же этаже второй кабинет, который был известен в аппарате ЦК как «кабинет Суслова».

Членом Политбюро стал теперь и Председатель КГБ Виктор Михайлович Чебриков. Он работал в аппарате КГБ еще с 1967 г. и был здесь одним из сподвижников Юрия Андропова. В. Чебриков возглавил КГБ еще в декабре 1982 г. Он поддерживал Михаила Горбачева, но почти никогда не вмешивался в партийные и политические проблемы.

Был приглашен на работу в Москву в ЦК КПСС и Борис Николаевич Ельцин, который вот уже десять лет возглавлял Свердловский обком КПСС. Ему, инженеру-строителю по специальности, было предложено возглавить Отдел строительства в ЦК. По свидетельству самого Б. Ельцина, он поначалу ответил на это предложение отказом. В первых мемуарах Борис Ельцин писал об этом эпизоде своей жизни достаточно откровенно: «Подумав буквально секунду-две, я сказал, что нет, не согласен. В тот момент я себе отчет в этом не дал, но, видимо, где-то в подсознании засела мысль, что члена ЦК, первого секретаря обкома со стажем девять с половиной лет – и на заведующего Отделом строительства – это было как-то не очень логично. Наша Свердловская область – на третьем месте по производству в стране, и первый секретарь обкома партии, имеющий уникальный опыт и знания, мог бы быть использован более эффективно. Да и по традиции так было: первый секретарь обкома партии Кириленко ушел секретарем ЦК, Рябов – секретарем ЦК, а меня назначают завотделом. В общем, я сказал Владимиру Долгих, что не согласен. На этом наш разговор закончился. Удивило меня и то, честно признаюсь, что сам Горбачев не захотел со мной встретиться и поговорить. Все же у нас были раньше нормальные отношения, да и Горбачев отлично понимал, что он, как и я, также перешел в ЦК с должности секретаря крайкома. Причем края, который по экономическому потенциалу был значительно ниже, чем Свердловская область. Но он пришел секретарем ЦК»⁶. Скромностью Борис Ельцин никогда не страдал и за возвышением М. Горбачева и Е. Лигачева наблюдал с явной ревностью. Но и уклониться от нового назначения он не мог. Через день Ельцину позвонил Е. Лигачев и, сославшись на партийную дисциплину, сказал, что решение уже принято. Б. Ельцин перебрался в Москву, но он недолго просидел в кабинете заведующего отделом ЦК. Уже в июле 1985 г. Б. Ельцин был избран секретарем ЦК КПСС по строительству. Но и на этом посту он пробыл лишь несколько месяцев. В декабре 1985 г. М. Горбачев принял решение отправить в отставку Виктора Гришина, члена Политбюро и первого секретаря Московского горкома КПСС. На пост главы московской партийной организации был рекомендован и избран Борис Ельцин.

В мае 1985 г. был отправлен на пенсию член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Григорий Васильевич Романов. На протяжении почти четырнадцати лет он руководил Ленинградским обкомом КПСС, а в 1983 г. Ю. Андропов поручил ему возглавить в ЦК КПСС отделы, связанные с оборонной промышленностью страны. Г. Романов был энергичным и опытным партийным руководителем, но теперь его обвинили в каких-то алкогольных злоупотреблениях. Эти обвинения никогда не рассматривались в открытом порядке. Место Г. Романова в Секретариате ЦК КПСС занял Лев Николаевич Зайков, который также пришел сюда из Ленинградского обкома КПСС. Для того чтобы «забрать» Л. Зайкова из Ленинграда в Москву, Михаил Горбачев лично вылетел в Ленинград. Это была его первая поездка за пределы Москвы уже в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС. Прибыв в Ленинград 15 мая, М. Горбачев посетил несколько крупных предприятий, один из институтов, промышленную выставку. 17 мая в Смольном он встретился с активом городской партийной организации. Выступление Горбачева здесь продолжалось около часа, и он не говорил, в сущности, ничего нового и оригинального. Похвалил Ленинград и ленинградцев, рассказал о некоторых решениях апрельского Пленума ЦК КПСС и призвал к работе по-новому и к ускорению темпов развития народного хозяйства страны – с 3 до 4 % в год. Привлекли наибольшее внимание лишь несколько фраз генсека о перестройке работы и о разумном обновлении кадров партии в связи с началом отчетно-

⁶ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 85, 89.

выборной кампании. «Всем нам надо перестраиваться, всем, – заявил М. Горбачев. – Я бы даже так сказал – от рабочего до министра, до секретаря Центрального Комитета партии, до руководителей правительства. Всем надо осваивать новые подходы и понять, что другого пути у нас нет... Но тот, кто не настроен перестраиваться, более того – тормозит решение новых задач, тот просто должен уйти с дороги, не мешать. Мы не можем ставить интересы одного человека выше интересов общества»⁷.

Телевидение в то время редко показывало нам речи партийных лидеров. Это было слишком тягостное зрелище. Почти все эти люди были очень стары и говорили с трудом, по бумажке. Многие из них были косноязычны. Михаил Горбачев, напротив, говорил свободно, без бумажек и записей. Его речь лилась легко, и уже одно это производило в 1985 г. немалое впечатление. К тому же это был человек, к которому только что перешла громадная, почти необъятная власть. Выступление Горбачева в Смольном было записано на видео, и в воскресенье, вернувшись домой, он решил посмотреть его в кругу семьи. Домочадцы были взволнованы, а Раиса Максимовна сказала: «Я думаю, надо, чтобы все люди это услышали и узнали». Пленку направили Лигачеву, а он вместе с секретарем ЦК КПСС Михаилом Зимяниным, отвечавшим за проблемы пропаганды и агитации, принял решение – показать всю эту запись по телевидению. В конце июня 1985 г. по телевидению была показана и большая речь М. Горбачева на встрече с коллективом Днепропетровского металлургического завода. Эти первые большие речи нового генсека, которые были показаны по телевидению, несомненно, произвели на всех хорошее впечатление. Гораздо меньшее впечатление на публику произвели новые большие выступления М. Горбачева в Тюмени и в Казахстане 6 и 7 сентября 1985 г. Они были слишком продолжительными и не содержали ничего нового. Горбачев увлекся речами: с середины мая и до середины октября 1985 г. он произнес более сорока речей и разного рода публичных заявлений. От его речей и пресс-конференций публика стала уставать. Между тем кадровые изменения в высших эшелонах власти продолжались.

Со смертью К. Черненко стал вакантным и пост Председателя Президиума Верховного Совета. Многие думали, что этот пост займет сам М. С. Горбачев, как это сделали Ю. В. Андропов и К. У. Черненко. Но Горбачев решил не торопиться. На очередной сессии Верховного Совета СССР в июле 1985 г. Горбачев внес от имени Политбюро и ЦК КПСС предложение: избрать на пост формального лидера государства Андрея Андреевича Громыко. Это не было неожиданностью для Громыко, который вот уже 28 лет занимал пост министра иностранных дел СССР. Он был уже стар, и ему было трудно ездить по миру и вести изнурительные переговоры. Однако Громыко рассчитывал, что он по-прежнему будет принимать участие в решении всех главных международных проблем. Но этого не произошло. Новым министром иностранных дел СССР неожиданно для всех был назначен партийный лидер Грузии Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе, который стал также новым членом Политбюро. В прошлом Шеварднадзе был комсомольским работником в Грузии, он окончил Кутаисский педагогический институт, но работал после этого не в школе, а в разных райкомах партии. С 1964 до 1972 г. Шеварднадзе занимал посты заместителя министра и министра внутренних дел Грузии. После этого он более тринадцати лет возглавлял партийную организацию этой республики. С именем Шеварднадзе связывали громкие кампании по борьбе с коррупцией в Грузии, но он никогда не занимался дипломатической деятельностью, не знал никаких языков, кроме грузинского и русского, и не имел ни опыта, ни кругозора, необходимых для руководства внешней политикой такого большого государства, как Советский Союз. Однако именно новичок в международных делах гораздо больше устраивал М. Горбачева, чем многоопытный А. А. Громыко.

В ближнее окружение М. Горбачева вошел в 1985 г. и Александр Николаевич Яковлев, который был утвержден летом этого года заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС. А. Н.

⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 68, 78.

Яковлев уже работал в этом отделе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. Он считался знатком международных проблем и еще в 1957–1958 гг. учился в аспирантуре Колумбийского университета в США. На протяжении десяти лет А. Н. Яковлев занимал пост посла Советского Союза в Канаде. В 1983 г. он вернулся в Москву и стал работать директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Именно А. Яковлев вместе с Вадимом Андреевичем Медведевым, Наилем Бариевичем Биккенином и Валерием Ивановичем Болдиным стали помощниками М. С. Горбачева при подготовке его речей и докладов еще в конце 1984 г. и в начале 1985 г. Эта же группа готовила и доклад М. Горбачева на апрельском Пленуме ЦК КПСС. К А. Яковлеву Горбачев обращался за советом и по многим проблемам внешней политики, в которых тот, конечно же, разбирался гораздо лучше генсека. А. Н. Яковлев был очень опытным полемистом, хорошим оратором и мастером формулировок. В большой группе идеологических помощников и советников М. Горбачева Александр Яковлев уже в 1985 г. начинал играть все более важную роль. Это был человек основательных и разносторонних знаний. Но у него не было прочных убеждений. А. Н. Яковлев не был в 1985 г. членом ЦК КПСС, так как избрание в ЦК происходило только на съезде партии. Но он оказывал все большее влияние на определение идеологической и международной политики партии. Во всяком случае, М. Горбачев часто получал и охотно читал многочисленные записки А. Н. Яковлева по разным вопросам. Было бы, однако, большим преувеличением, как это делалось еще в 1991 г., называть именно Александра Яковлева «главным прорабом» или «архитектором» перестройки. Никакого проекта и никакого архитектора у «перестройки» никогда не было, это была весьма хаотическая работа, в которой процессы разрушения явно преобладали над процессами созидания. Не был еще членом ЦК КПСС и Анатолий Иванович Лукьянов, который возглавил после Е. Лигачева Общий отдел ЦК КПСС, или просто Отдел ЦК КПСС, как его называли обычно в официальных партийных документах. М. Горбачев был давно знаком с А. Лукьяновым, который также учился на юридическом факультете МГУ и окончил его в 1953 г. На работу в аппарат ЦК КПСС А. Лукьянова пригласил в 1983 г. Юрий Андропов. Анатолий Лукьянов, профессиональный юрист и доктор юридических наук, возглавлял в 1977–1983 гг. Секретариат Президиума Верховного Совета СССР.

В 1985 г. происходили и многие другие кадровые перестановки, перемещения и смещения. Уходили из высших эшелонов власти люди, долгие годы входившие в ближайшее окружение Л. И. Брежнева, как, например, И. И. Бодюл. Не все из новых секретарей ЦК, министров или членов Политбюро сумели закрепиться на новых постах и как-либо ярко себя проявить, к примеру В. П. Никонов, Г. П. Разумовский, В. С. Мураховский и другие. Через два-три года эти люди ушли или на пенсию, или на какие-либо второстепенные посты в дипломатической службе. Забегая вперед можно сказать, что только шесть человек, кроме самого М. Горбачева, которые выдвинулись именно в 1985 г., составили ядро новой политической команды и стали ведущей силой тех перемен, которые получили не слишком ясное наименование «перестройка». Это Е. Лигачев, Н. Рыжков, Э. Шеварднадзе, Б. Ельцин, А. Яковлев и А. Лукьянов. Еще в конце 1985 г. никто из этих людей не знал и даже не имел представления о том, как будут происходить события и какую роль они будут играть в этом через четыре-пять лет. Ни у них, ни у Горбачева не было на этот счет никакого ясного или хотя бы приблизительного плана. Два известных американских советолога, Питер Реддуэй и Дмитрий Глинский, оценивая много позже события 1985 г. и деятельность новой команды Горбачева, писали: «За решение общегосударственных задач взялись провинциалы, с малым опытом и ограниченным кругозором. У этих людей не было серьезного опыта государственной деятельности центрального уровня. В этом выразилась неспособность советского руководящего слоя даже в периоды кризиса выдвигать из своих рядов наиболее талантливых представителей, если они вообще там были. У Горбачева и его команды отсутствовала какая-либо продуманная стратегия общественных преобразований. Они лихорадочно брались за одновременное реформи-

вание чуть ли не всех элементов общественной жизни, не задумываясь о последовательности и приоритетности этих реформ. Горбачев, призывая граждан к борьбе с бюрократией, не позаботился о том, чтобы защитить их от возмездия бюрократов. Такое поведение можно оценить лишь как безответственное и провокационное»⁸. О стихийности и непредсказуемости начавшейся «перестройки» свидетельствует и судьба тех людей, имена которых стали хорошо нам известны уже после распада и крушения СССР и КПСС. Где-то в недрах идеологических служб ЦК КПСС трудился скромный инструктор Геннадий Зюганов. Свои первые статьи о преимуществах социалистических методов хозяйствования публиковал в «Правде» и «Коммунисте» молодой экономист Егор Гайдар. В одном из уральских институтов по повышению квалификации инженеров-металлургов преподавал марксизм-ленинизм и научный коммунизм Геннадий Бурбулис. Подписывал разные бумаги никому не известный юристконсульт издательства «Мир» в Москве Владимир Жириновский. Майор Александр Лебедь командовал полком ВДВ в Костроме. Начальник штаба гвардейской бомбардировочной дивизии генерал-майор Джохар Дудаев планировал бомбовые удары по базам и укрытиям афганских моджахедов. В немецком городе Дрездене в резидентуре советской внешней разведки продумывал очередные операции майор Владимир Путин. Только Виктор Черномырдин, министр газовой промышленности СССР, был уже знаком с М. Горбачевым и сопровождал его осенью 1985 г. в поездке по Восточной Сибири.

Ожиданий было много, в том числе и на Западе. Еще в январе 1985 г. одна из эмигрантских русских газет в Париже не без злорадства писала о «страстных мечтах Запада насчет явления в СССР молодого технократа западного типа, одаренного здравым смыслом и прагматизмом и готового осуществить страстное западное желание – превратить Советский Союз в такую же страну, как и все остальные»⁹. Неудивительно, что появление М. Горбачева на посту Генерального секретаря ЦК КПСС многие на Западе восприняли как начало в осуществлении именно таких надежд. В десятках западных газет было опубликовано интервью с чехословацким эмигрантом и другом Александра Дубчека Зденеком Млынаржем, который учился вместе с Горбачевым на юридическом факультете МГУ, некоторое время жил с ним в студенческом общежитии и несколько раз встречался и беседовал с супругами Горбачевыми в 1960-е годы. З. Млынарж заявлял, что он знает, как функционирует советская система, что он убежден, что советское общество можно реформировать и что Горбачев обязательно попытается это сделать. Неудивительно, что германский журнал «Дер Шпигель» писал о Горбачеве как о «советском Дубчеке», который сумел каким-то образом фактически распустить колхозы и в семь раз поднять производительность сельского хозяйства Ставропольского края¹⁰. Кому-то хотелось верить в эти выдумки солидного журнала, однако и пессимистов имелось на Западе не меньше, чем оптимистов. Издаваемая в Париже американская газета «Интернэшнл геральд трибюн» призывала своих читателей не спешить объявлять М. Горбачева либералом, «ибо политический профиль этого человека еще не слишком ясен». Эксперты из британской «Дейли телеграф» также сомневались в либерализме Горбачева и называли его слова о реформах «пустой риторикой». Газета писала, что человек, «который становится вершителем кремлевской политики в столь раннем возрасте, должен быть тверд, как бульжник Красной площади». Немецкая газета «Ди Вельт» призывала своих читателей не предаваться розовым мечтам в связи со сменой власти в Кремле, ибо Горбачев – это питомец партийного идеолога и сталиниста Сулова, и он не сумеет обновить систему, которая, по общему мнению, не поддается никакому обнов-

⁸ Reddaway P., Glinski D. The Tragedy of Russia's Reform. Market Bolshevism against Democracy. Washington: D.C., 2001. P. 121.

⁹ Русская мысль. 1985. 3 января.

¹⁰ Дер Шпигель. 1985. № 12. С. 147.

лению». Разного рода прогнозов было много, но реальный ход событий в Советском Союзе не смог предсказать никто ни из западных, ни из советских обозревателей.

Главное звено перестройки – борьба с пьянством

В условиях тоталитарного режима в Советском Союзе смена лидера и общая смена руководства в стране происходили, как правило, не в обстановке спокойной преемственности власти, а в состоянии глубокого политического и экономического кризиса. На нового руководителя не только значительная часть народа, но и многие люди из аппарата управления смотрели не просто как на преемника и продолжателя, а едва ли не как на спасителя страны и нации. В этих условиях новому лидеру и новой команде важно было не только проводить свои начинания или реформы по всему фронту проблем, но и определить главное направление своих усилий. Еще В. И. Ленин давал совет своим ученикам и последователям – не разбрасываться на все дела, а определить основное звено, уцепившись за которое можно будет вытащить и всю тяжелую цепь проблем. В 1921 г. таким «основным звеном» Ленин считал, как известно, налаживание торговли, и в первую очередь нормальной коммерческой торговли между городом и деревней. Не буду вспоминать здесь о Сталине, у которого в разные годы его почти 30-летнего правления были разные приоритеты. Н. С. Хрущев начал свое «великое десятилетие» с попыток резко поднять уровень сельского хозяйства, в том числе с освоения целины и внедрения кукурузы, с прекращения политических репрессий, с реабилитаций, а потом и с осуждения «культы личности» и его последствий. Л. И. Брежнев начал свое 18-летнее правление с призывов к стабильности, к отказу от ненужных и чрезмерно радикальных реформ, с осуждения «субъективизма» и «волютаризма» и с новых призывов о подъеме сельского хозяйства. Ю. В. Андропов начал свое недолгое правление с призывов к порядку и дисциплине, с борьбы против коррупции и с небольшого снижения цен на водку. Все ждали поэтому, с чего начнет свое правление Михаил Горбачев; его призывы к ускорению и к работе по-новому были слишком абстрактны и бессодержательны.

Первым советским министром, который был приглашен для доклада и беседы к только что избранному Генеральному секретарю, был многоопытный 74-летний министр финансов СССР Василий Федорович Гарбузов, который занимал свой пост с 1960 г.; он возглавлял финансы страны дольше, чем любой другой министр финансов в истории России и СССР. Главным поручением, которое было получено Министерством финансов от нового партийного лидера, было предложение изыскать такие дополнительные источники доходов для бюджета, которые могли бы заменить доходы от продажи алкогольных напитков. Гарбузов не привык спорить с партийными лидерами, и он честно пытался вместе со своими заместителями что-либо придумать. Однако все многочисленные предложения по поводу каких-то новых источников дохода оказались неэффективными. В 1980–1984 гг. бюджет получал от продажи алкогольной продукции около 70 млрд рублей доходов, и заменить эту громадную по тем временам доходную статью было просто нечем. Это не остановило М. Горбачева. 17 мая 1985 г. был опубликован первый Указ Президиума Верховного Совета СССР о борьбе с пьянством и алкоголизмом, который вскоре был дополнен множеством постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Началась печально знаменитая антиалкогольная кампания, которая стала и в сознании граждан страны, и в реальности главным мероприятием, которое связывали с именем М. Горбачева в первые три года его лидерства. К Михаилу Горбачеву надолго прилипла издевательская кличка «минеральный секретарь».

Основным методом при проведении этой кампании стал административный нажим. Продажа водки, всех крепких спиртных напитков, а также вина была сокращена во много раз. Если раньше спиртное можно было купить в неограниченном количестве в любом продовольственном магазине, то теперь магазины, в которых продавалась продукция, содержащая алко-

голь, были строго определены, их было немного, и каждый покупатель имел право приобрести только одну или, в крайнем случае, две бутылки за один раз. Разумеется, возле всех таких магазинов сразу же возникли огромные очереди, в которых сотни людей стояли с утра до вечера. Производство спиртных напитков сократилось в несколько раз. Заводы по производству водки и винные заводы просто закрывались. В Крыму и в Молдавии начали выкорчевывать виноградники, так как виноград некуда было девать. Партийных руководителей и всех других начальников любого уровня снимали с работы и исключали из партии, если их обнаруживали и задерживали в публичном месте в нетрезвом состоянии. Ко всему прочему цена на спиртные напитки была повышена, во всех ресторанах, кафе и барах продажа их была ограничена. Спиртные напитки запрещались на всех официальных приемах. Проводилась, конечно, и какая-то агитационно-пропагандистская кампания, создавались разного рода «общества трезвости», но главную роль играли административные методы, да и все директивы нацеливали в первую очередь на строгий административный нажим. Кампания по искоренению алкоголизма вызвала сильный всплеск недовольства у большинства граждан, которые чувствовали себя униженными примененным по отношению к ним грубым принуждением. Человек, который должен был давиться в очереди за бутылкой водки в течение нескольких часов или был вынужден покупать ее втридорога у спекулянта, почти автоматически становился критиком и противником нового советского и партийного лидера.

Мне, как историку, проведение такой жесткой административной антиалкогольной кампании казалось нелепым и глупым начинанием. Кампании по принудительному введению «сухого закона» предпринимались в прошлом в разных странах мира, и все они завершились провалом. Многолетняя кампания такого типа в США привела к возникновению там разветвленной мафии и была в конце концов отменена. «Сухой закон» в России был введен во время Первой мировой войны, и он продолжал действовать в первые годы советской власти. Производство и продажа водки в СССР были возобновлены государством именно для того, чтобы пополнить бюджет, а не карман спекулянтов и самогонщиков. Разнообразные ограничения на производство и потребление крепких спиртных напитков действуют и сегодня в Швеции и Финляндии, но это не «сухой закон».

Нет необходимости доказывать вред от алкоголизма. Однако было бы крайне наивным видеть именно в водке первопричину пороков советского общества. Алкоголизм – это симптом общественных болезней, но не их причина. Знаменитый русский сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин писал еще 150 лет назад: «Отчего наш мужик ходит в лаптях? Отчего в деревнях царствует такое сплошное, поголовное невежество? Отчего мужик почти не ест мяса и даже скоромного масла? На все вопросы историографы заладили одно: все от нее, все от проклятой сивухи... О! Если бы это было так! Если б можно было с помощью одного ограничения числа кабаков вселить в людей доверие к их судьбе, возвысить их нравственный уровень, сообщить им ту силу и бодрость, которые помогают бороться и преодолевать железные невзгоды жизни! Как легко было бы разом покончить со всеми безобразиями прошлого, со всеми неудачами настоящего, со всеми сомнительными видами будущего!» Большие тексты из Салтыкова-Щедрина ходили по рукам в Москве в 1986 г. как тексты «самиздата».

В стране не было ни одного общественного слоя, который поддержал бы начатую в СССР грубую и примитивную антиалкогольную кампанию. Да, статистика показала по итогам 1986 и 1987 гг. небольшое снижение смертности и рост рождаемости. Снизились и некоторые виды преступности. Но в это же время увеличилось число отравлений и смертей от употребления некачественной водки. В 1985 г. к уголовной ответственности за самогонование было привлечено около 100 тысяч человек, а в 1987 г. уже более 500 тысяч. Из продажи стал исчезать сахар. По данным МВД, в 1987 г. более 1,5 млн тонн сахара было использовано в самогоноварении. Доходы бюджета от продажи спиртных напитков сократились в 1986 г. до 36 млрд рублей – в 2 раза по сравнению с 1984 г. Однако и в 1986-м, и в 1987 г. власти продолжали

усиливать административный нажим и репрессии. Были приняты меры по полному прекращению производства плодово-ягодных вин. В 4 раза было сокращено производство пива, и очень многие пивзаводы были остановлены. Закупленное ранее импортное оборудование для производства пива было отправлено на металлолом. Но в это же время в стране быстро развивалась организованная преступность – российская мафия. Росла и контрабанда спиртными напитками: их везли в СССР и из Китая, и из Канады. Трудно было бы придумать худшее начало для перестройки.

Отмечая едва ли не как праздник десятую (1995), пятнадцатую (2000) и двадцатую (2005) годовщины перестройки, большая часть авторов просто умалчивает о «сухом законе» М. Горбачева, который был тогда главным из начинаний нового лидера. Один из германских авторов, Вольфганг Хауг, в своих выступлениях и публикациях, напротив, пытался доказать, что антиалкогольная кампания была не только уместным и правильным, но даже идеальным зачином для перестройки, попыткой разрыва с прошлым, легитимизации грядущих реформ и даже единения всего народа для достижения демократизации на открывающемся пути в будущее. Решительно возражая этому немецкому апологету М. Горбачева, российский публицист Леонид Ионин справедливо замечал, что даже при самых абстрактных рассуждениях издали нельзя оправдывать такую очевидную неудачу самого главного из начинаний перестройки в 1985–1986 гг. «Как можно не замечать того, как реально проводилась эта кампания, – писал Л. Ионин. – Не замечать гигантских очередей, где надо было простоять много часов, чтобы купить хотя бы бутылку вина. Не замечать драк из-за места в очереди или просто из-за бутылки водки. Не замечать необходимости оскорбительных справок о смерти родственника, чтобы купить водку на поминки. Не замечать сломанных биографий, когда человек шел из гостей и попался на глаза милиционеру. Не замечать вообще того, что власть нанесла всем нам – и пьющим, и непьющим – смертельное оскорбление, поставив нас в унижительное положение алкоголиков, готовых на все, лишь бы добраться до рюмки. Ответом власти не могло быть ничего, кроме озлобления и пассивного сопротивления. Властям скоро пришлось отступить. Но отступили они не на те же позиции, на которых стояли перед началом борьбы с алкоголем. Перестроечная пропаганда оказалась дискредитированной. Власть продемонстрировала и глупость, и бессилие. Вера в то, что она знает, что делает, и умеет это сделать, оказалась подорванной. Худшего начала реформ нельзя было придумать. Думаю, что с этого времени как перестройка, так и ее вождь были обречены на поражение»¹¹. Сказано резко, но в основном справедливо. Егор Кузьмич Лигачев лишь в последних разделах своих обширных мемуаров попытался как-то оправдать свою настойчивость и решительность в борьбе против алкоголизма. «Мы должны были откликнуться, – писал он, – на поток писем – в основном от жен и матерей, – в которых убитые горем женщины проклинали пьянство, уносившее жизни их сыновей и мужей. Не обращать внимания на громкий стон народа было уже невозможно. Без отрезвления народа было невозможно вести общественные преобразования. Да, антиалкогольная кампания принесла не только пользу, но и немалые издержки. Становилось ясно, что наскоком, с ходу давний недуг одолеть не удастся. Не снимаю с себя ответственности за то, что наши практические меры оказались чрезмерно жесткими, административными. Видимо, тут сработало нечто личное: как человек непьющий я психологически не был готов примириться с тем, что кто-то не может «завязать» с выпивкой, если резко ограничить возможности добывания спиртного. Показалось, что если приналечь, то погасить пьянство можно быстро. Вся эта кампания в жестком режиме длилась недолго, всего около двух лет. Потом пришло прозрение, и партия начала менять тактику, переносить акцент на разъяснительную работу, рассчитанную на дальнюю перспективу. В этой эволюции – от директивности к разъяснительности – я ничего страшного не вижу, она естественна. У наших оппонентов были разумные доводы. Однако отчетливо про-

¹¹ Новое время. 1995. № 12. С. 7–18.

слеживался и политический прицел лжедемократов в антиалкогольной кампании. Все можно простить, но только не злорадство в связи с неудачей очередной попытки одолеть застарелый народный недуг»¹². Трудно комментировать подобного рода объяснения и оправдания. Крупнейший политик и второй человек в партии и у власти вдруг обнаружил, что у него есть не только подчиненные, включая и неразумный народ, но и политические противники, которые вовсе не будут склонны прощать ему столь очевидных ошибок и глупостей.

Михаил Горбачев в своих мемуарах признавал, что антиалкогольная кампания была очень грубой, что эта кампания имела очень тяжелые последствия, которые отразились и на его репутации. «Как только не ругали начальство, а больше всех доставалось генсеку, которого по традиции было принято считать ответственным за все. Так я получил кличку “минеральный секретарь”». Однако здесь же М. Горбачев попытался оправдаться, он обвинил во всех перегибах Егора Лигачева и Михаила Соломенцева, который в 1985–1987 гг. занимал пост Председателя Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Этим людям был поручен контроль за исполнением указов и решений, но они взялись за дело с неумным усердием и довели его до абсурда. Да, конечно, он также виноват, он должен был вмешаться при первых же перекосях, информация о них до него доходила, и очень серьезные люди говорили ему о недопустимых искажениях. «Но мне помешала, – замечает М. Горбачев, – отчаянная занятость лавиной обрушившихся на меня дел – внутренних и внешних, а в какой-то мере и излишняя деликатность»¹³.

Наиболее подробно обо всех перипетиях антиалкогольной кампании, продолжавшейся более трех лет, писал в своих мемуарах Николай Рыжков. По его свидетельству, против этой кампании достаточно решительно возражали три члена Политбюро – Н. Тихонов, Г. Алиев и он, Н. Рыжков. Главными инициаторами кампании были М. Горбачев, Е. Лигачев и М. Соломенцев. «Мы понимали, что делаем глупость, мы видели, что эта кампания превратилась в фарс, мы возражали, но нас не хотели слушать. Мы хотели отстоять хотя бы пиво. Не тут-то было! Новый генсек и его ближайшие соратники по антиалкогольной кампании, используя моральный подъем вокруг нового лидера, стояли насмерть»¹⁴. Н. Рыжкову и другим пришлось отступить. В Совете Министров СССР не только исправно выполняли все директивы ЦК о борьбе с пьянством, но даже проводили совещания о том, что следует повысить эффективность всей этой кампании, и о том, не является ли также кефир алкогольным напитком. Только тяжелый экономический и финансовый кризис, который начал развиваться в 1986–1987 гг., среди причин которого были падение мировых цен на нефть, Чернобыльская катастрофа, неудачные экономические начинания, но также и последствия антиалкогольной кампании, вынудили и М. Горбачева снова поставить на Политбюро вопрос о ходе этой кампании. Речь шла, в частности, о падении товарооборота в стране и двукратном росте очередей, которые отнимали у населения десятки миллиардов часов в год. В повестке дня заседания Политбюро в четверг 8 сентября 1988 г. этот вопрос стоял где-то в конце, в пункте «Разное». Однако полемика была долгой и бурной. На этот раз Н. Рыжкова поддержали В. И. Воротников, Л. Н. Зайков, Н. Н. Слюньков и В. П. Никонов. Им яростно возражали Лигачев и Соломенцев. Дело дошло до ругани и личных выпадов. Некоторые из членов Политбюро молчали, молчал и Горбачев. Однако при голосовании он также высказался за ослабление мер в рамках антиалкогольной кампании. «Конечно, – сказал он, – правильную политику с реализацией майского указа 1985 г. надо удержать. Но что делать с очередями, со спекуляцией? Пьяницы пусть клянут советскую власть и меня лично. Но смущает реакция общества. И самое главное – самогон, колоссальная спекуляция. Отразилось на продаже парфюмерии и даже конфет. В Москве их уже нет. В общем, при проведении

¹² Лигачев Е. К. Предостережение. М., 1998. С. 380, 382.

¹³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. М., 1995. С. 342.

¹⁴ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 96.

правильной линии мы перестарались, как всегда. Сейчас мы уже имеем 400 тысяч осужденных за самогон, и конца этому не видно. Производство водки надо оставить на установленном в Указе уровне. Но никаких ограничений для пива, для сухого вина, для шампанского, для коньяка¹⁵». Вся эта дискуссия не была опубликована, и изменения в продаже алкогольных напитков происходили очень медленно. Для наведения прежнего порядка и уровня доходов в отрасли, включавшей сотни предприятий, а также виноградарских хозяйств, потребовалось еще несколько лет, и эта работа не была завершена даже к моменту распада СССР. Общие потери советского бюджета в пересчете на твердую валюту составили в 1985–1990 гг. около ста миллиардов долларов.

Об экономических начинаниях 1985–1986 гг

Борьба за «отрезвление» народа была в первую очередь политической кампанией. Необходимо было, однако, определять и главное звено в цепи многочисленных экономических проблем. Слова об ускорении, как и выражения «стратегия ускорения», или «концепция ускорения», или даже «революционная стратегия ускорения, выработанная на апрельском Пленуме ЦК КПСС», – все это было пустой риторикой, как и многочисленные заявления о «новом качестве роста», «интенсификации производства», «структурной перестройке экономики», «эффективном управлении» или «лучшей организации труда». Необходимо было определить ясную и конкретную задачу, какую-то главную и центральную задачу, на выполнении которой должны были сосредоточить свои главные усилия все органы власти, планирования и управления, ответственные за экономику страны. В СССР завершалось, и далеко не лучшим образом, выполнение одиннадцатой пятилетки – 1980–1985 гг. Шла разработка планов на новую, двенадцатую пятилетку – 1986–1990 гг. Какая главная идея, какая главная задача должна была стать стержнем этой новой пятилетки? Горбачев назвал такой главной задачей развитие машиностроения, обновление машинного парка во всех отраслях производства. Члены Политбюро, включая и Н. Рыжкова, поддержали своего нового лидера. Уже 25 апреля 1985 г., выступая на Пленуме ЦК КПСС с докладом о подготовке XXVII съезда КПСС, М. Горбачев заявил, что «главной и первоочередной задачей 12-й пятилетки должно стать существенное повышение коэффициента замены оборудования. Решающее слово здесь – за машиностроением. Его развитию необходимо придать приоритетный характер и уже в 1986–1990 гг. в полтора-два раза ускорить темпы роста отрасли. Главная задача – быстро перейти на производство новых поколений машин и оборудования, которые способны обеспечить внедрение новой технологии, снизить материалоемкость, поднять фондоотдачу»¹⁶. В июне 1985 г. в ЦК КПСС было созвано большое совещание ведущих экономистов страны, крупных хозяйственных руководителей, директоров предприятий и отдельных рабочих по определению главных задач и направлений экономической перестройки. Никаких оригинальных идей на этом совещании не было высказано. В большом докладе М. Горбачева звучали все те же лозунги и слова о «повышении фондоотдачи», об «отдаче капитальных вложений», о «крутом изменении инвестиционной политики», о «ресурсосберегающих технологиях» и т. п. Это была странная картина. Населению страны, уставшему от бедности, от постоянного дефицита основных потребительских товаров и тяжелых жилищных условий, от коррупции, произвола чиновников и от невыполненных обещаний, заявляли о том, что партия будет заботиться теперь в первую очередь о «повышении коэффициента замены оборудования!» Это была, конечно, серьезная ошибка нового лидера в определении главного звена экономической политики партии. Да, конечно, М. Горбачев не сам сформулировал все эти приоритеты. Основные тезисы к его докладу готовила

¹⁵ В Политбюро ЦК КПСС: По запискам А. Черняева, В. Медведева, Г. Шахназарова (1985–1991). М., 2006. С. 403.

¹⁶ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. С. 112–120.

группа наиболее влиятельных экономистов во главе с академиком АН СССР Абе́лом Аганбе́гяном. Этим людям трудно было мыслить иначе и отказаться от разного рода штампов и догм марксистской политэкономии и сформированной еще в 30—40-е гг. политической экономии социализма. Так или иначе, но перестройка с самого начала оказалась без ясного и, главное, привлекательного для населения страны лозунга или ориентира. Это был провал и для новых политических руководителей, и для советской экономической науки.

Еще Юрий Андропов, сначала как Председатель КГБ, а в 1982 г. и как новый лидер государства и партии, сделал несколько обескураживающих открытий, о которых он говорил не только своим близким друзьям и сотрудникам, но и в некоторых публичных выступлениях, хотя и не в столь резкой форме. Он говорил, например, что мы, руководители, не знаем того общества, во главе которого стоим. Он также говорил, что главной угрозой для безопасности Советского Союза является не империализм, не диссиденты и не идеологические диверсии, а бедность основной части населения страны. Именно эта бедность и рожденное ею недовольство, а также невнимание или даже прямой произвол властей лежали в основе всех тех массовых волнений и забастовок, с которыми приходилось не раз разбираться Комитету государственной безопасности. Юрий Андропов еще со времен венгерских событий 1956 г. очень боялся таких массовых волнений.

Михаил Горбачев над всем этим задумывался очень мало, он жил и работал в мире догм и иллюзий. Не только для того, чтобы завоевать прочную популярность, но и для того, чтобы укрепить основы режима и сохранить государство, он должен был выдвинуть в 1985 г. понятные и привлекательные для народа лозунги и задачи. Речь нужно было вести о решительном повороте к реальным нуждам народа, который слишком долго ждал и уже начинал терять терпение. Не развитие машиностроения, а развитие торговли, сельского хозяйства, пищевой и легкой промышленности новые лидеры должны были выдвинуть на первый план. Нужно было быстро улучшить все показатели народного потребления, и в первую очередь в страдавшей от крайнего дефицита провинции. Развитие общественного транспорта, производство всех главных потребительских товаров и услуг для населения, улучшение систем здравоохранения и образования, разумная и эффективная конверсия военно-промышленного комплекса – вот что должно было стоять для нового руководства на первом месте. А уж потом машиностроение и технологии. Надо было заметно и быстро поднимать заработную плату учителям и врачам, ибо она уже и тогда была унижительно низка. Горбачев это знал, но все это проходило мимо его сознания. В мае 1985 г. М. Горбачев посетил несколько социально значимых предприятий и учреждений Ленинграда и Москвы. В столице он побывал в одной из лучших московских больниц – № 53. Эту больницу несколько дней готовили к посещению высокого гостя, убрав все «лишние» койки из палат и коридоров. Однако на запланированной краткой встрече с коллективом больницы ее работники решили высказать и свои претензии. Медицинские сестры прямо сказали генсеку, что не собираются долго работать в больнице из-за слишком низкой заработной платы. На вопрос о зарплате врачей главный врач больницы ответил, что он получает в среднем по 5 рублей за каждую проведенную им операцию. Число проблем, которые обсуждались в апреле, мае и июне 1985 г. на заседаниях Политбюро, было очень велико, но эта работа шла без какого-то ясного плана и системы. Было принято постановление о развитии Западно-Сибирского нефтегазового комплекса но также и постановление об улучшении снабжения населения зубной пастой. На одном из заседаний Политбюро речь шла о реконструкции полиграфической промышленности, но также и об увеличении производства стиральных порошков в стране. Отдельное постановление Политбюро было посвящено увеличению в СССР производства и внедрению вычислительной техники. Для контроля за его выполнением высшие политические руководители страны предписали создать специальную комиссию ЦК КПСС и Совета Министров СССР. Но в это же время была создана и особая комиссия Политбюро для контроля за производством в СССР женских колготок. Невозможно

было пройти мимо некоторых социальных проблем. Специальным решением было предписано повысить наиболее низкие пенсии – по инвалидности и по случаю потери кормильца. Было принято решение ввести, пусть и не слишком большие, пенсии колхозникам по старости, а также пособия тем одиноким и старым людям, которые по каким-то причинам вообще не получали никаких пенсий. Было также решено повысить оклады конструкторам и технологам, профессии которых из-за низких зарплат утратили прежнюю популярность. Несколько решений Политбюро было связано с проблемами пригородного садоводства и огородничества. Политбюро обещало улучшить транспортное обслуживание огородников, а также выделить горожанам под индивидуальные сады и огороды еще несколько миллионов новых участков в течение ближайших три-пять лет.

За те шесть с половиной лет, в течение которых Михаил Горбачев возглавлял в качестве секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро все директивные органы по сельскому хозяйству, общее положение дел в этой отрасли не улучшалось, а ухудшалось. Согласно официальной статистике, валовой сбор главных сельскохозяйственных культур в одиннадцатой пятилетке не увеличился, а уменьшился по сравнению с девятой пятилеткой. Среднегодовое производство зерна за период с 1981-го по 1985 г. уменьшилось по сравнению с периодом 1976–1980 гг. с 205,0 до 180,3 млн тонн. Среднегодовое производства хлопка-сырца уменьшилось с 8,55 до 8,31 млн тонн. Производство масличных семян упало с 6,0 до 5,7 млн тонн. Среднегодовой сбор картофеля сократился с 82,6 до 78,4 млн тонн. Очень небольшой прирост был за пять лет только по овощам. Уменьшилась урожайность, но увеличилась себестоимость большей части культур. Наметилась опасная тенденция, и надо было что-то делать, чтобы переломить ситуацию. Однако все главные решения М. Горбачева и Политбюро на этот счет носили чисто административный и бюрократический характер. Так, например, было решено создать новое огромное ведомство – Госагропром, которому были теперь подчинены пять прежних министерств и которое должно было отвечать не только за производство, но и за переработку продукции сельского хозяйства. Руководить этим суперминистерством был назначен давний соратник М. С. Горбачева Всеволод Мураховский. Он работал с 1957 г. в Ставропольском крае и после перевода М. Горбачева в ЦК КПСС был избран первым секретарем Ставропольского обкома КПСС. Теперь он возглавил весь советский агропромышленный комплекс, включая пищевую промышленность, сельскохозяйственную науку, даже часть торговли. Госагропром получил право определять цели, плановые задания и распределять капиталовложения в нескольких отраслях народного хозяйства СССР. В. С. Мураховский ничем особенным так и не отличился на новом поприще, а число чиновников, которые были заняты в управлении АПК, росло быстрее, чем объемы продукции в этом комплексе. Вскоре новое гигантское ведомство получило насмешливое наименование «агропромах».

Но так же, по-бюрократически, решались и другие проблемы. Например, для контроля за качеством продукции на всех главных предприятиях страны было решено создать еще одно большое, общесоюзное ведомство – Государственный комитет по качеству продукции. Это было очень странное решение, в котором не были четко определены ни права, ни обязанности нового Госкомитета. Для контроля за качеством продукции на каждом предприятии всегда существовал специальный отдел технического контроля, или ОТК. Да, эти отделы входили в структуру предприятия и подчинялись дирекции. Теперь возникла мысль о создании независимых от дирекции предприятий общегосударственных органов контроля – в дополнение к системе ОТК. Сходная система контроля уже давно существовала в оборонной промышленности. Министерство обороны направляло на предприятия оборонной промышленности своих представителей – военпредов, которые подчинялись не директорам танковых или артиллерийских заводов, а военным властям. Военпреды принимали технику для армии и проверяли ее качество. Однако у новых государственных контролеров не было такой ясной привязки к заказчику продукции. Новое ведомство входило в состав другого весьма громоздкого Государ-

ственного комитета – Госстандарта СССР в виде особого управления. Уже через несколько месяцев после создания Госприемки ее руководитель Б. С. Мигачев с удовлетворением говорил, что через систему государственной приемки сдается более половины всей промышленной продукции страны и что под контроль нового ведомства взята работа 1500 крупнейших предприятий 28 министерств. Однако в это же время множилось и число конфликтов, которые в ряде случаев вели к остановке предприятий. В эти конфликты чаще всего вмешивались обкомы и горкомы партии, и они решали возникшие споры обычно в пользу предприятий, а не новых органов госприемки. Само решение о создании как Агропрома, так и Госприемки отражало бюрократический стиль мышления, согласно которому ничего не может и не должно произойти без вмешательства из центра.

В 1985 г. в структуре Совета Министров СССР появилось еще одно бюрократическое ведомство – Бюро по машиностроению, которое возглавил Иван Степанович Силаев, занимавший ранее посты министров станкостроительной и авиационной промышленности. Постановление о создании этого Бюро почему-то не было опубликовано. Оно не управляло, а координировало деятельность одиннадцати машиностроительных министерств, и его полномочия были, таким образом, ограничены. Работа нового Бюро, как можно было судить, проводилась примерно так же, как и работа созданного еще при Л. Брежневе суперведомства – Военно-промышленной комиссии, которая контролировала и координировала деятельность двенадцати министерств, полностью или частично работавших на нужды Министерства обороны. Все эти начинания демонстрировали гораздо большее доверие к бюрократическим процедурам, чем к самим предприятиям.

Никаких существенных изменений не внес в экономическую политику КПСС и ее XXVII съезд, который проходил в Кремле с 25 февраля по 6 марта 1986 г. На съезде были приняты не только директивы об основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 гг., но и программа развития страны на период до 2000 г. Однако эти документы не привлекли большого внимания ни наблюдателей со стороны, ни профессиональных партийных работников, собравшихся на свой съезд. Большой политический доклад М. С. Горбачева, который продолжался пять часов, почти все западные журналисты называли слишком долгим и скучным. Большинство наблюдателей, прибывших в Москву в ожидании сенсаций, были разочарованы. Без большого интереса наблюдали и слушали этот доклад и советские телезрители. Наше внимание привлекли лишь некоторые фразы докладчика, даже намеки, а кое в чем – и умолчания. Все мы умели тогда читать и между строк. Это понимали и составители доклада, над текстом которого М. Горбачев работал с помощниками до позднего вечера 24 февраля 1986 г.

В разных частях своего пространного доклада М. Горбачев недвусмысленно осудил брежневское руководство – за плохую работу, за отставание в деле внедрения интенсивных методов производства, за разрыв слова и дела, за бюрократизм и субъективизм, за просчеты и ошибки в планировании, за пренебрежение практическими делами, за попустительство к нарушениям «моральных норм коммуниста», которые нередко вели к нарушению законов рядом партийных и государственных деятелей. По заверениям М. Горбачева, партия будет еще энергичнее осуществлять тот поворот в стиле и методах своей работы, который начался после апрельского Пленума ЦК КПСС. Перечислив многие крупные недостатки в экономике, в системе здравоохранения, сфере услуг, а также в других областях жизни государства и общества, докладчик довольно пренебрежительно отозвался о понятии «развитой социализм», о котором во времена Брежнева говорилось обычно как о «крупнейшем открытии творческого марксизма». Но теперь М. Горбачев заявил, что слишком частое употребление понятия «развитой социализм» ведет к смещению акцентов, к затушевыванию нерешенных проблем экономики и снабжения населения. Это понятие как бы оправдывало медлительность в решении насущных задач.

Теперь, когда партия провозгласила курс на ускорение социально-экономического развития, такого рода подход неприемлем.

В докладе М. С. Горбачева содержался тезис о необходимости не косметических, а радикальных реформ в хозяйственном управлении.

Однако существо этих реформ докладчик изложил лишь в самых общих чертах. Намечалось лишь направление желательных преобразований: отказ от чрезмерного централизма и бюрократизма. Но вот уже 10 месяцев после апрельского Пленума ЦК главная деятельность партийного руководства шла совсем в другом направлении. Так, например, М. Горбачев говорил в своем докладе о том, что Москва не должна вмешиваться в оперативную деятельность нижестоящих хозяйственных звеньев. Надо, напротив, расширить границы самостоятельности предприятий и объединений, работа которых должна вестись на основе «подлинного» хозрасчета, самокупаемости и самофинансирования. Надо расширять разнообразные формы бригадно-подрядной организации труда и таким образом теснее увязать результаты труда и его оплату. На место мелочного администрирования должно прийти экономическое регулирование. Большинство проблем нужно решать не в центре, а на местах, находя при этом наилучшее сочетание отраслевого и территориального принципов управления. Горбачев предлагал создавать как можно больше мелких и средних предприятий, а не заводов-гигантов, строительство которых растягивается на многие годы. Во многих случаях модернизация и реконструкция предприятий предпочтительнее нового строительства. Несколько раз докладчик произнес и слово «рынок». Надо производить товары народного потребления на основе требований рынка, т. е. исходя из заказов торговых предприятий. Все это были хорошие слова. Но они сильно расходились с такими делами, как создание Агропрома, Госприемки, с антиалкогольной кампанией и той кампанией по борьбе с «нетрудовыми доходами», о которой речь будет ниже.

Премьер Николай Рыжков посвятил свой доклад не только плану 12-й пятилетки, но и разработанному в ЦК КПСС проекту Основных направлений развития СССР на ближайшие 15 лет – до 2000 г. Докладчик утверждал, что все эти программы тщательно просчитаны, научно обоснованы и покоятся на очень прочном фундаменте. Темпы прироста ВВП на ближайшие пять лет определялись в 4 % в год. По сравнению с 3,5 % в 1981–1985 гг. это было не слишком значительное ускорение. Однако на следующие 10 лет речь шла о ежегодном приросте в 5 % в более, что могло обеспечить удвоение ВВП за 15 лет. Производительность труда и уровень жизни населения предполагалось увеличить в 2,5 раза. Николай Рыжков ничего не говорил о рыночных механизмах как о средствах для ускорения экономического развития страны. Напротив, он специально подчеркнул, что главным рычагом для обеспечения успешного и быстрого развития советской экономики должно быть «укрепление и совершенствование централизованного и планового руководства экономикой – великого завоевания и коренного преимущества социализма». «В этом вопросе, – заметил докладчик под аплодисменты съезда, – мы не оправдали, да и никогда не оправдаем надежды буржуазных идеологов на наш отход от этого основополагающего принципа».

Выступления почти всех членов Политбюро на съезде были бесцветными, формальными и неинтересными. Привлекла внимание лишь речь Егора Лигачева, который говорил о роли критики и самокритики в партийной жизни. Он подчеркнул, что во времена Брежнева все сферы управления, которые возглавлялись членами Политбюро или личными друзьями Брежнева, были заботливо выведены из зоны критики – как сверху, так и тем более снизу. Именно это порождало не только инертность, но и бюрократизм и мздоимство. «Все министерства и ведомства, – заявил Лигачев, – в том числе Министерства внутренних дел, внешней торговли, любое другое, все организации, будь то Московская, Ленинградская, Украинская, Казахская, Ставропольская, Томская или Свердловская, – все они должны быть в зоне критики и доступны партийной критике». Эти слова были поддержаны аплодисментами, но никто из других ораторов не стал продолжать или развивать тезис о критике.

Привлекла внимание и речь Бориса Ельцина, который только недавно занял пост первого секретаря Московского горкома партий, заменив здесь отправленного на пенсию В. Гришина. «Все начинания апрельского Пленума, – говорил Б. Ельцин, – вязнут в инертном слое приспособленцев с партийным билетом. Партия пока не вырвала из нашей жизни корни бюрократизма, социальной несправедливости и злоупотреблений. Многие из партийных руководителей и сейчас не говорят правду и оценивают действительность не с политической, а с конъюнктурной точки зрения». Ельцин был единственным, кто в начале 1986 г. поднял вопрос о «частичном» разложении и перерождении партийных кадров, что связано не в последнюю очередь с теми материальными привилегиями, которые получают ответственные партийные работники и которые вызывают возмущение рядовых рабочих и членов партии. «Мое мнение состоит в том, – заявил Ельцин, – что там, где блага руководителей всех уровней неоправданны, их надо отменить. Это будет способствовать росту трудовой и общественной активности людей и не будет давать повода для спекуляций нашим идеологическим противникам». Съезд встретил эти слова Б. Ельцина аплодисментами, но никто из выступавших позже никак не поддержал этой темы привилегий. Отдельные ораторы попытались оспорить утверждение Ельцина о частичном перерождении партийных кадров.

«Номенклатурная революция»

Значительные изменения в составе Политбюро и Секретариата ЦК КПСС произошли уже весной и летом 1985 г. Уходили не просто «люди Брежнева», но в основном те, кому было уже за семьдесят. Простое чувство самосохранения требовало от партии выдвижения на руководящие посты нового поколения руководителей. Предсъездовская отчетно-выборная кампания открывала для этого большие возможности.

Масштабы развернувшегося обновления кадров были очень внушительны. К концу января 1986 г. в стране сменилось более шестидесяти секретарей обкомов и ЦК союзных республик, а также руководителей партийных организаций самых крупных городов страны. Сменилось руководство примерно в сорока министерствах СССР. Новые люди пришли во многие руководящие кабинеты в ЦК КПСС, возглавили ведущие управления, ведомства и отделы министерств и ведомств. Тысячи новых людей появились на постах секретарей райкомов и горкомов, директоров предприятий и учреждений, научных и учебных институтов, в политотделах армии и флота. Соответственно готовились списки для будущего состава ЦК КПСС, который, как предполагалось, должен быть обновлен на съезде партии на 40–50 %. Некоторые из иностранных корреспондентов пытались судить о масштабах предстоящих событий по освещенности окон в центре Москвы. На них производило впечатление то обстоятельство, что в Кремле, на Старой площади, на Лубянке, в Охотном Ряду и в некоторых других правительственных зданиях Москвы окна были освещены в январе 1986 г. до двух-трех часов ночи. В эти недели в Москве и появилось понятие «номенклатурная революция» – не слишком понятный для западных наблюдателей термин.

Кадровые перемены, происходившие осенью и зимой 1985/86 г., были явным и сознательным продолжением политики по обновлению кадров, которую начал еще Ю. В. Андропов, но которую не стал продолжать К. У. Черненко. Эти перемены не сопровождались никакими скандалами или громкими разоблачениями. Не было и заметной борьбы за посты и должности. Намеченный к замене партийный или государственный чиновник обычно сам подавал заявление об отставке еще до начала партийной конференции или до принятия соответствующего указа. Уходили, как правило, действительно старые люди, которые не чувствовали в себе способности к более напряженной работе еще на ближайшие пять лет. Это была смена партийных поколений, которая слишком задержалась в предшествующие даже не пять, а все десять лет. В кадровых переменах был и некоторый элемент социального сдвига. Я определял его тогда

как замену партийной олигархии партийной же технократией. На смену партийно-бюрократическим кланам с их системой личной зависимости, лояльности и взаимного отпущения грехов, которые в ряде республик и ведомств принимали характер своеобразных «мафий», приходили жесткие, но более компетентные технократы, связанные между собой не земляческими и семейными отношениями, а общей заинтересованностью в успехе «дела» и «прогресса» – в их понимании этих терминов. Менялись стиль и характер, но не содержание работы. Было ослаблено политическое влияние безликого, но еще недавно всемогущего номенклатурного аппарата, и, напротив, происходил заметный рост влияния конкретных политических руководителей. Зарубежные наблюдатели выделяли в этой связи не только М. Горбачева, но также Н. Рыжкова и Э. Шеварднадзе. Но мало кто заметил и оценил огромное увеличение влияния Е. К. Лигачева, под руководством которого и происходили почти все кадровые перемены в предсъездовские месяцы. Именно Лигачев отвечал за кадры партии и государства. Михаил Горбачев еще очень мало знал людей и кадры в стране. Он не выдвинул в эти недели и месяцы никого из своих ставропольских соратников, и только несколько человек было рекомендовано лично Горбачевым в списки членов ЦК – для избрания их на XXVII съезде партии.

Все кадровые перемены осени и зимы 1985 и 1986 гг. были практически лишены демократического содержания. Вся предсъездовская дискуссия была полна бессодержательной и пустой риторики, в ней не звучало никаких новых идей. Ставился вопрос не о демократии, а об эффективности, о лучшем управлении и о дисциплине. Существовавшая в партии и в государстве сверхцентрализация шла лишь на пользу новому руководству при столь быстрой и массовой замене кадров. В СССР накопилось очень много проблем, которые нельзя было решить одной лишь заменой кадров управляющих и методов управления. Нужны были реформы, но об этом тогда мало кто думал. Как «революция управляющих» на Западе, повысив эффективность и производительность, не покушалась на основы капитализма, так и происходивший перед XXVII съездом партии сдвиг в кадрах партии не покушался на основы авторитарного социализма.

XXVII съезд избрал новый состав ЦК КПСС, обновив прежний список почти наполовину. Это открывало возможность для продвижения в высшие органы партийного руководства новых людей. Состав Политбюро обновился еще до съезда, теперь существенно обновился Секретариат. В состав Секретариата ЦК КПСС вошли кроме Горбачева Е. К. Лигачев, А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, А. Ф. Добрынин, В. И. Долгих, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, В. П. Никонов, Г. Л. Разумовский, А. П. Бирюкова. В Секретариате ЦК всегда была определенная иерархия. Из всего состава Секретариата только Горбачев и Лигачев были тогда членами Политбюро. Но Горбачев редко вмешивался в работу этого партийного органа и не занимался повседневными партийными делами. Поэтому ведущую роль в Секретариате стал играть Лигачев. Именно он решал тогда основные кадровые вопросы и пользовался наибольшей поддержкой обкомов партии. В руках и под контролем Лигачева была сосредоточена и значительная часть идеологической работы КПСС.

Большие перемены произошли в 1985–1986 гг. во всех министерствах и в аппарате Совета Министров. По свидетельству Н. Рыжкова, кадры государственного и хозяйственного управления обновились в эти два года на 40–50 %. Хотя и в меньших масштабах, это обновление кадров происходило и в течение почти всего 1987 г. Новые лидеры страны и партии были тогда глубоко убеждены, что все недостатки последних лет режима Брежнева и первых двух лет «перестройки» объясняются не недостатками самой политики или системы власти, а недостатками и слабостью кадров, отдельных руководителей. В беседе с работниками одного из московских театров в июне 1986 г. Егор Лигачев воскликнул: «Не так страшны нам те работники, которые открыто сопротивляются курсу на обновление, а такие люди есть. Не так страшны нам те, кто сопротивляется тайно, а такие люди также имеются. Наиболее опасны те, кто на словах поддерживает все новые мероприятия, а на деле все оставляет без изменений».

Новый секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев также признал на совещании редакторов газет в Москве, что «курс XXVII съезда КПСС» встречает сильное сопротивление в аппарате партийных и хозяйственных органов и на местах. Отчитываясь в успехах борьбы против коррупции в Москве, Борис Ельцин также признал, что даже массовые аресты среди работников торговли не слишком заметно сократили здесь хищения и злоупотребления. «Мы еще не достигли дна», – заявил Ельцин. В московских аппаратах власти и управления Борис Ельцин устроил настоящую чистку. Только за один 1986 г. в Москве были отправлены в отставку почти все секретари райкомов партии, а также весь прежний состав Московского горкома партии и Мосгорисполкома. Более 800 человек из системы торговли, из административных и хозяйственных органов были арестованы и отданы под суд. В большинстве случаев, хотя далеко не всегда, такие жесткие формы обновления кадров имели основания. Но где можно было взять столько новых людей для управления делами в столице? Общая школа управления не претерпела изменений. Мало кто понимал вообще, что это значит – «работать по-новому». Были нередки случаи, когда новые, более молодые и профессионально хорошо подготовленные партийные и хозяйственные руководители весьма энергично начинали выступать против перестройки. Было немало случаев отказа от новых назначений. К середине 1987 г. в Москве стояли закрытыми около двухсот вполне исправных магазинов разного профиля, так как никто не хотел работать там ни директором, ни главным кассиром. Много вакансий имелось в управлениях торговли, в хозяйственных органах, в горкоме партии и в горисполкоме. Борис Ельцин несколько раз обращался к М. Горбачеву и Е. Лигачеву за помощью в кадрах. Но сходная ситуация возникла и в ряде других городов, областей, в союзных республиках. По признанию члена Политбюро Л. Зайкова, в 1986 г. в партии почти повсеместно стала чувствоваться нехватка людей для назначения на ответственные посты. Приходилось назначать «временных» руководителей, которых, как правило, уже через два-три месяца нужно было сместить как «не оправдавших доверия». Обкомы и горкомы партии получили директиву начать работу по созданию «резерва на выдвижение», т. е. проводить отбор и подготовку людей, которые должны были получить ответственное назначение через один или два года.

Существенные перемены стали происходить и в руководстве Вооруженными силами. Почти все высшие военные руководители в середине 80-х гг. прошли Великую Отечественную войну. Это были, как правило, достойные люди, профессиональные военные. Однако, за небольшим исключением, это были люди в возрасте от 60 до 70 лет. Министру обороны маршалу Соколову уже исполнилось 73 года. Наиболее значительная смена военных кадров происходила в 1987 г., когда был отправлен на пенсию С. Л. Соколов, а на его место назначен 64-летний маршал Дмитрий Тимофеевич Язов.

О борьбе с «нетрудовыми доходами»

Всего через несколько месяцев после окончания XXVII съезда КПСС в Советском Союзе началась неожиданная, но интенсивная политическая кампания по борьбе с «нетрудовыми доходами». Инициатива этой кампании принадлежала ЦК КПСС, который 15 мая 1986 г. принял решение «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». 23 мая 1986 г. по этому поводу был принят специальный Указ Президиума Верховного Совета СССР, имеющий силу закона. Некоторые специальные постановления о борьбе с нетрудовыми доходами принял также Совет Министров СССР.

По смыслу самого понятия «нетрудовые доходы» речь могла идти о таких доходах граждан, которые не были связаны с их трудом. Это хищения, мошенничество и особенно взяточничество. В других случаях речь могла идти о деятельности, носящей, однако, отчетливо противоправный характер. Это контрабанда, изготовление и продажа наркотических веществ и т. п. Но как следовало относиться к нетрудовым доходам, получение которых не противоре-

чило существующему законодательству? Это сдача в городах и в курортных районах квартир и комнат, предоставление частных транспортных услуг и т. п. В постановлении ЦК КПСС осуждалась спекуляция, а также все виды труда, в которых граждане «используют в целях наживы принадлежащие государству машины и механизмы, транспортные средства, жилую площадь, топливо, сырье и материалы». Не слишком благосклонно отнеслись указанные выше директивные инстанции и к занятию кустарно-ремесленным промыслом или другой индивидуальной трудовой деятельностью, относительно которых у граждан не было специального разрешения и по которым граждане уклонялись от оплаты в полном объеме подоходного налога. Составители принятых в мае 1986 г. указов и постановлений неправомерно расширили само понятие «нетрудовые доходы», включив сюда все виды и формы «теневого хозяйства», которая, по подсчетам экспертов, составляла не менее 20–25 % от всей экономики в СССР. Под удар карательных органов государства попадали все виды неофициальной трудовой деятельности граждан. Система «теневого», «левой», «серой» экономики, как и более сложные системы «черного» рынка, складывалась в Советском Союзе десятилетиями, заполняя те ниши, в которых не могла работать эффективно государственная экономика. Во времена Брежнева некоторые виды такой деятельности даже поощрялись, хотя и в неофициальном порядке, так как они служили социальными амортизаторами. «Никто не живет в Советском Союзе на одну лишь заработную плату», – так не раз говорил в своем кругу Леонид Брежнев. Разнообразная теневая экономика давала дополнительный заработок десяткам миллионов людей и в то же время компенсировала острый недостаток важных для населения товаров и услуг. При этом чаще всего такая деятельность не приносила никакого вреда государству и государственной экономике. К тому же население в этой области работало обычно по нормам и правилам рыночной экономики. «Левые» заработки увеличивали в стране платежеспособный спрос, что во многих случаях было выгодно и государству. Любая огульная кампания в этой сложной сфере жизни общества могла принести немалый вред. Тем не менее с лета 1986 г. в стране развернулась бурная деятельность по запрещению и ограничению в работе множества мелких ремонтных мастерских, системы частной медицинской помощи. Ограничивалась или бралась под строгий контроль система сдачи в аренду частных квартир и домов, особенно в столице и в курортных центрах. Волна репрессий прошла по миллионам садово-огородных участков горожан. Во многих регионах страны действовали инструкции, которые запрещали строить на таких участках жилые строения, а также создавать теплицы размером больше 10 или 15 квадратных метров. Продукцию с садово-огородных участков предписывалось использовать только на нужды данной семьи, а не на продажу. Но владельцы многих миллионов участков мало считались с такими инструкциями, и даже Н. С. Хрущев мирился с этими нарушениями. На одно из предложений о «наведении порядка» в садово-огородных хозяйствах Хрущев ответил: «Вы что, меня хотите поспорить с рабочим классом?». Но Горбачев не возражал против майского указа. В стране началось разрушение теплиц, животноводческих построек. На садовых участках сносились «лишние» этажи домов, разрушались печи, отбирались «излишки» продукции. Пострадали и многие сельские жители, работники колхозов и совхозов, усиленно развивавшие в своих хозяйствах очень выгодные, но «непрофильные» отрасли. Так, в южных районах страны серьезно пострадало цветоводство, которое велось на частной основе. В некоторых колхозах Краснодарского края были ликвидированы прекрасные розарии, которые приказали распахать и превратить в обычные картофельные поля. Особенно жесткие карательные меры были приняты против «спекуляций» – торговать на городских рынках разрешалось только продуктами, выращенными самим продавцом. Перекупка товаров, без которой рыночная торговля не может развиваться, была признана «нетрудовым» доходом. В результате перестали работать рынки и базары во всех северных районах страны и очень сильно уменьшилась рыночная торговля в центральных «южных районах Союза. Майский указ был шедевром административного ужесточения. С особенным размахом он применялся в Москве, где за жесткой борьбой

с «нетрудовыми» доходами очень внимательно наблюдал сам Борис Ельцин. К осени 1986 г. в Москве существенно сократился объем торговли на всех колхозных рынках. Массовая кампания по ликвидации теплиц и всех артезианских насосно-силовых установок проводилась в Волгоградской области. Газета «Волгоградская правда» с энтузиазмом писала тогда о борьбе с «помидорными стяжателями». Разрушались печи, теплицы и «лишние этажи» даже у ветеранов Отечественной войны, у многодетных семей и у всех людей, «охваченных вирусом помидорной лихорадки».

Как и следовало ожидать, репрессивный майский указ был отменен через полгода – в ноябре 1986 г. Недовольство было слишком большим, да и убытки для населения и государства были очевидны. В конце 1986-го и в начале 1987 г. были в срочном порядке разработаны и приняты прямо противоположные мероприятия, о которых я буду писать ниже. Но недоверие к государству и недовольство властями сохранялись еще очень долго.

Николай Рыжков в своих мемуарах вообще ни слова не говорил о короткой, но нанесшей очень большой вред экономике и престижу нового руководства кампании по борьбе с «нетрудовыми доходами». А между тем именно его подпись стояла на главных документах Совета Министров СССР на этот счет. Указ Президиума Верховного Совета СССР был подписан А. А. Громыко, но он также готовился в ЦК КПСС и в Совете Министров СССР. Михаил Горбачев признаёт допущенные в 1986 г. грубые перегибы, но пытается от них отмежеваться. «В майских решениях об усилении борьбы с нетрудовыми доходами, – пишет он в своих мемуарах, – проявилась позиция той части партийно-государственного аппарата, которая не принимала линию руководства. А мы просто проглядели подготовку и выпуск односторонне направленных решений. Потом пришлось их поправлять»¹⁷.

Чернобыльская катастрофа

Чернобыльская катастрофа оказалась не только главным событием 1986 г. в Советском Союзе и в мире, но и одним из самых важных событий последней четверти XX века. Эта катастрофа имела большие последствия во всех регионах мира, повлияв на экономику и научно-техническую политику всех развитых стран и изменив представления людей об опасностях и угрозах. После Чернобыля в литературе перестало употребляться понятие «мирный атом». Как проекты, так и планы строительства атомных электростанций были повсеместно пересмотрены, а в некоторых странах было принято решение отказаться в дальнейшем от атомных станций для получения тепла и электроэнергии. Уроки и последствия Чернобыля продолжают изучаться и обсуждаться и сегодня – через двадцать лет после самой катастрофы. 20-летняя годовщина чернобыльской трагедии (26 апреля 2006 г.) была отмечена множеством научных конференций и международных совещаний; Внимание к этой дате намного превзошло внимание к 20-летию самой горбачевской перестройки. Эти события совпали во времени лишь случайно. Но и теперь, вспоминая события первых лет перестройки, мы неизменно вспоминаем и Чернобыль.

В первые дни сентября 2005 г. был опубликован наиболее полный отчет о последствиях взрыва, разрушившего четвертый ядерный реактор АЭС в Чернобыле 26 апреля 1986 г. Этот отчет был составлен Чернобыльским форумом ООН – организацией, в которую входят более ста ученых, восемь агентств ООН и правительства России, Украины и Белоруссии. В отчете приводятся цифры, показывающие, сколь огромное количество радиации было выброшено в атмосферу в первые десять дней аварии. Число погибших в первые сутки катастрофы было невелико, но несколько десятков человек получили смертельные дозы радиации. Почти все они умерли до 10 июля 1986 г. в специальной больнице в Москве. Отчет ООН определяет общее

¹⁷ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 345.

число погибших в 50 человек – это были главным образом операторы, электрики, турбинисты и наладчики самой АЭС, а также пожарные, гасившие пожар. Однако около 600 тысяч человек получили высокую дозу радиации: это те, кто работал на месте аварии или жил на территории, прилегающей к Чернобыльской АЭС. Из них не менее 4 тысяч умерло позднее от рака, вызванного этим облучением. Общее число людей, получивших повышенные дозы радиации, составляет около пяти миллионов человек. Из зоны бедствия было эвакуировано 135 тысяч жителей Белоруссии и 45 тысяч жителей Украины. Переселению подверглось несколько сот деревень и сел, а 15 из них пришлось сровнять с землей. Существенно пострадала территория в 109 тысяч кв. км, но были задеты загрязнением в заметных масштабах еще около 100 тысяч кв. км. Было заметно задето радиацией 23 % территории Белоруссии, 5 % территории Украины и 0,5 % территории России. Повышение радиоактивности наблюдалось в первые дни и недели после катастрофы в Прибалтике, Швеции и Финляндии, а также в юго-восточной части Европы и в Турции. В ликвидации последствий аварии весной и летом 1986 г. принимало участие более 500 тысяч человек. На больших территориях вокруг АЭС пришлось убирать верхний слой почвы – миллионы тонн земли. В одном из больших захоронений в пострадавшей зоне было закопано более 1600 грузовиков, автобусов и подъемных кранов, а также 28 вертолетов. Этот перечень последствий катастрофы можно продолжить. Только прямые расходы по ликвидации последствий Чернобыля составили сумму, эквивалентную 10 млрд долларов. К концу года эта сумма поднялась до 20 млрд долларов. С учетом всех косвенных потерь и в расчете на несколько лет эксперты оценивали потери Советского Союза огромной суммой в 70–80 млрд долларов.

Нет необходимости рассказывать здесь о подробностях самой катастрофы, которая произошла на четвертом блоке ЧАЭС в ночь с 25 на 26 апреля 1986 г. Сами по себе характер и природа катастрофы внутри реактора, которая сопровождалась разрушением и расплавлением активной зоны реактора и выделением огромного количества радиоактивной пыли, далеко не сразу были поняты всеми, кто имел отношение к работе АЭС. Даже операторы не знали, что реактор, работой которого они управляли, при определенных условиях подвержен взрыву. Последующий анализ показал, что еще в час ночи, когда реактор уже был неуправляем и взрывоопасен, взрыв можно было предотвратить, несмотря на все допущенные ранее ошибки. Первые сообщения об аварии на четвертом блоке ЧАЭС поступили на приемный пункт пожарной сигнализации, установленной в помещении диспетчерского пункта пожарной части всего объекта: на Чернобыльской АЭС имелось уже четыре работающих реактора и строился пятый. По тревоге к месту аварии был направлен дежурный караул. Принимал свои меры и ночной персонал по обслуживанию четвертого энергоблока, но все эти действия не остановили развитие катастрофы и пожара. Пришлось направить к месту катастрофы несколько специальных пожарных подразделений УПО УВД Киевского облисполкома. Основной взрыв в реакторе произошел в 1 час 23 минуты 40 секунд 26 апреля. Даже возможности такой аварии никто не предполагал; при более ясном представлении о путях развития катастрофы взрыв можно было остановить даже за 1,2–2 минуты до его начала. Почти мгновенно испарилось и было выброшено в атмосферу не менее 50 тонн ядерного топлива, а еще около 70 тонн выброшено на околостанционную территорию и на кровлю ЧАЭС. По проведенным позже подсчетам, общий объем выброшенной радиоактивности превышал десять Хиросим.

Первые подразделения пожарной охраны прибыли к месту катастрофы в 1 час 30 минут, когда реактор был уже разрушен, а вокруг здания образовались завалы в 35–40 метров. Главной опасностью после взрыва четвертого реактора был пожар: интенсивное горение происходило на кровле машинного зала аппаратного отделения, а также на кровле соседних корпусов. На кровле были разбросаны куски радиоактивного графита, радиоактивные и токсичные вещества содержались и в продуктах горения. Пожар происходил на высоте 70–75 метров. В таких невероятно тяжелых условиях, да еще ночью, при опасности обрушения в любой момент конструкций, на которых держалась крыша, пожарные команды были вынуждены тушить пожар.

Пожар возник сразу во многих местах, и огонь мог проникнуть в соседние реакторы, а также в машинный и аппаратный залы и разрушить системы защиты всей станции. Его распространение могло происходить или через крышу, или по кабельным каналам, система которых охватывала всю станцию. Отнюдь не по соображениям безопасности, а по экономическим соображениям все четыре атомных реактора ЧАЭС были расположены под одной крышей и составляли единый комплекс, так что авария одного реактора легко могла повести к аварии и взрыву еще трех реакторов. Из соображений экономии очень многие из конструкций в здании АЭС содержали слишком много легковоспламеняющихся материалов. Особенно уязвимой, с этой точки зрения, была как раз крыша АЭС. Еще за несколько лет до катастрофы в Чернобыле, но после ряда больших пожаров такого рода крыши было запрещено использовать в промышленном строительстве. А ведь четвертый реактор возводился уже после этого запрещения, и в качестве основных материалов для крыши здесь использовали битум и керамзит. Пожар был локализован к 5 часам утра, а к 6 часам 40 минутам он был ликвидирован. Опасность взрыва других реакторов была устранена благодаря самопожертвованию пожарных и ценой жизни многих из них. Но пожар на крыше был только частью катастрофы, которая далее развивалась по своей логике. Пожар бушевал внутри поврежденного реактора, который раскалился до 2000–3000 градусов и продолжал выбрасывать наружу радиоактивность. Было непонятно: как и чем можно погасить реактор и можно ли вообще сделать это? Ни вода, ни разного рода применяемые на пожарах средства в данном случае не подходили: все это испарится и уйдет в атмосферу. Не знали, что делать, и местные власти. Рядом с ЧАЭС находился новый город Припять. К утру 26 апреля этот город был оцеплен милицией, как и вся территория АЭС. Персонал станции получил защитные костюмы, но для работников милиции костюмов уже не хватило, и милицейские мундиры через два дня пришлось сжигать. Окрестное население не знало даже самых простых способов защиты от радиации. Здесь не проводилось на этот счет никаких занятий через систему гражданской обороны. Предложение об эвакуации жителей Припяти было утром 26 апреля отклонено, так как первая команда из Москвы пришла очень простая: «Панику не поднимать». Была суббота, почти все дети школьного возраста пошли в школу, а малыши играли на улице. Работали все магазины и учреждения города, на вечер и день готовилось несколько свадеб. В 30-километровой зоне вокруг АЭС находилось более 110 тысяч человек, здесь строился новый, пятый энергоблок. Продолжал работать второй энергоблок. Однако третий энергоблок был остановлен по распоряжению инженера Ю. Э. Багдасарова и вопреки приказу главного инженера станции Н. М. Фомина. Измерить уровень радиации внутри здания оказалось невозможным, так как здесь не было приборов для измерения радиации выше четырех рентгенов в час, а реальный уровень был выше. В момент аварии на станции не было ни ее директора В. П. Брюханова, ни главного инженера Фомина. Прибыв на АЭС и ознакомившись с ситуацией, Брюханов сообщил об аварии в Москву в ЦК КПСС заведующему сектором атомной энергетики В. В. Марьину. Это первое сообщение гласило, что на ЧАЭС произошла тяжелая радиационная авария, но что реактор еще цел и его можно загасить.

Рядовой персонал четвертого блока действовал мужественно, но не всегда адекватно, так как происходившее развитие катастрофы не было предусмотрено ни в каких инструкциях. Именно пожарные, турбинисты и электрики сумели спасти от разрушения всю ЧАЭС, но спасти четвертый блок было уже невозможно. Некоторые действия персонала даже усугубляли аварию. Работа на атомной станции происходила в три смены, и наибольшие потери понесла ночная смена. Всего на ЧАЭС числилось 5,5 тысячи эксплуатационного персонала. Большая часть этих людей в ночь на 26 апреля отдыхала. Однако днем и вечером 26 апреля 1986 г. не менее двух тысяч работников станции исчезли из Чернобыля, не поставив в известность своих начальников. Начинала развиваться паника, хотя масштабы ее в первые дни были еще невелики. Наибольшие претензии были позднее предъявлены к руководству ЧАЭС. Стало известно, что некоторые из норм эксплуатации АЭС 25 апреля были грубо нарушены. Четвер-

тый блок АЭС готовился к остановке на плановую перезагрузку топлива. К тому же на этой станции начал проводиться сложный эксперимент по проверке систем безопасности. Станция была введена в строй без проверки этих систем, и их испытания намечались как раз на апрель 1986 г. Активная зона реактора нуждалась в очистке от накопившихся шлаков. Когда постепенная остановка реактора уже начала проводиться, диспетчер из республиканской энергосистемы позвонил из Киева и попросил задержать остановку реактора хотя бы на 24 часа. Директор ЧАЭС Брюханов распорядился поднять мощности, но это почему-то не удавалось. Дежурил неопытный оператор. Поступила команда поднять защитные стержни. Это было запрещено инструкцией, но никто не знал – почему. В инструкциях многое не было предусмотрено. Как только начался подъем защитных стержней в реакторе, началось и развитие неуправляемого взрыва. Ошибок было слишком много, и они совпали. Эксперты позднее писали, что обслуживающий персонал станции допустил 25 апреля и в ночь на 26 апреля «как минимум пять грубых ошибок в эксплуатации АЭС». Главная вина при этом лежала на оперативных руководителях станции. Григорий Медведев, автор одного из наиболее подробных очерков о Чернобыльской катастрофе и заместитель начальника именно того производственного управления Минэнерго, которое отвечало за строительство АЭС в Советском Союзе, писал позже, что персонал станции допустил десять ошибок. Это произошло не только из-за неопытности персонала, но и вследствие пороков конструкции самого реактора, ибо при разумной конструкции таких сооружений подобного рода сложение и сочетание ошибок должно быть вообще исключено¹⁸. Как известно, руководители станции были летом 1986 г. привлечены к уголовной ответственности. На судебных заседаниях звучали слова о преступной халатности, о разгильдяйстве, об отсутствии самостоятельности, о трусости, о незнании физики. Однако та поспешность, с которой ЧАЭС была введена в эксплуатацию без должных испытаний и проверок всех систем безопасности, была связана с преступной халатностью гораздо более высокопоставленных лиц, чем дирекция этой станции. Отнюдь не дирекция станции была ответственна и за серьезные недостатки самого проекта ЧАЭС.

В первые часы после взрыва реактора наиболее быстро, эффективно и адекватно действовали военные структуры страны. Уже в 2 часа 20 минут 26 апреля дежурный генерал Центрального командного пункта Генерального штаба доложил начальнику Генштаба маршалу С. Ф. Ахромееву, что на Чернобыльской АЭС произошел взрыв с выбросом в атмосферу радиоактивных продуктов. Ахромеев дал команду уточнить обстановку и вызвать в Генштаб группу генералов и офицеров. Все собрались здесь в 3 часа 30 минут. Была установлена связь с начальником гражданской обороны и поднят по тревоге полк гражданской обороны, дислоцированный близ Чернобыля. В район аварии был выдвинут мобильный отряд радиационной разведки. По тревоге был поднят также специальный мобильный отряд по ликвидации последствий аварий ядерных установок, дислоцированный в Приволжском военном округе. На военно-транспортных самолетах части этого отряда стали перебрасываться в район аварии. К 5 часам утра начали работать главные штабы всех видов Вооруженных сил, а также штаб Киевского военного округа. К 6 часам утра работали все управления Генштаба, а также служба военных сообщений. По железной дороге началась переброска из Поволжья к Чернобылю всего отряда по ликвидации последствий ядерных аварий и его тяжелой техники. Началась переброска военных самолетов и вертолетов из городов европейской части страны на Черниговский аэродром, наиболее близкий к Чернобылю. Только после этого, в 7 часов 30 минут, С. Ф. Ахромеев проинформировал о своих действиях министра обороны маршала С. Л. Соколова, который проводил оперативный сбор руководящего состава Вооруженных сил во Львове. Соколов одобрил действия Генштаба. В 10 часов утра Ахромеев доложил о своих действиях М. С. Горбачеву, который уже знал об аварии в Чернобыле от Н. Рыжкова. К середине дня 26 апреля в район

¹⁸ Медведев Г. У. Чернобыльская тетрадь // Новый мир. 1989. № 6. С. 40–42.

Чернобыля стали прибывать подразделения химических войск во главе с начальником всех химических войск страны генерал-полковником В. К. Пикаловым, который принял на себя руководство всеми действиями военных подразделений в Чернобыле и вокруг него. Образовавшееся над Чернобылем мощное газоаэрозольное облако с сильным радиационным действием перемещалось ветром в западном направлении. Оно обошло стороной город чернобыльских атомщиков Припять с его 50-тысячным населением, но создавало угрозу нескольким областям Белоруссии, Украины и Российской Федерации. В десять и более раз повысился обычный радиационный фон в странах Балтийского региона. Серьезная угроза радиационного заражения возникла для водных источников – рек Припяти и Днепра, Киевского водохранилища. К концу дня 26 апреля началось мобилизационное развертывание войск – химических, инженерных и мотострелковых частей, а также частей гражданской обороны и их переброска в район бедствия из всех районов европейской части страны. По свидетельству С. Ф. Ахромеева, в мае 1986 г. в районе аварии действовала группировка войск численностью в 30 тысяч человек, которая располагала большим количеством специальной техники. Здесь были подразделения из всех военных округов и флотов европейской части Союза¹⁹.

Гражданские власти действовали не столь быстро. Первые и по большей части неполные и неточные сообщения об аварии получили в Москве из высоких лиц заместитель министра Средмаша А. Г. Мешков, завсектором ЦК КПСС В. В. Марьин и министр энергетики А. И. Майорец. Именно Майорец позвонил утром премьеру Н. И. Рыжкову, который уже собирался ехать на работу в свой кабинет в Кремле. «Извините, что беспокою, но, кажется, на Чернобыльской атомной ЧП». «Кажется или ЧП? – спросил Рыжков. – Подробнее можно?» – «Подробностей пока не знаю», – ответил министр. Через час А. Майорец доложил премьеру о взрыве атомного реактора – самое страшное, что могло вообще произойти. Рыжков приказал министру лететь немедленно в Киев и в Чернобыль и вызвал к себе несколько специалистов. Надо было срочно создавать Правительственную комиссию, в состав которой должны были войти ученые разных направлений, а также работники разных министерств и ведомств. Постановление о создании этой комиссии было подписано в 11 часов утра, начались быстрые сборы. Во главе комиссии Н. Рыжков поставил одного из своих заместителей, председателя по топливно-энергетическому комплексу Б. Е. Щербину, который находился в этот момент на газовых промыслах в Оренбурге. Комиссия вылетела из Москвы в 4 часа дня и около 8 часов вечера была в Чернобыле. Отдельно в 9 часов вечера сюда прибыл и Б. Щербина. Гораздо раньше, около часа дня, из Москвы прибыла аварийная группа, а также представитель от главного конструктора реакторов чернобыльского типа – РБМК. Поздно ночью Б. Щербина докладывал об обстановке: на 4-м блоке произошло два взрыва, реактор разрушен, радиационная обстановка тяжелая, но до конца не ясная, нужны тяжелые вертолеты и химические войска. Руководство станции было деморализовано, и комиссия приняла управление ЧАЭС на себя. Рыжков связался с Генштабом и с удовлетворением узнал от С. Ахромеева, что утром 27 апреля и вертолеты, и химические войска будут в районе аварии.

Не без споров комиссия приняла в ночь с субботы на воскресенье решение об эвакуации всего населения города Припять. А. Майорец был против эвакуации, опасался паники и Б. Щербина. Но ветер мог изменить направление. Эвакуация началась в 2 часа дня 27 апреля и проходила весьма организованно: к Припяти удалось подогнать более тысячи автобусов и три железнодорожных состава. Началось временное расселение эвакуированных, к которым через несколько дней прибавилось и все население из 30-километровой зоны вокруг Чернобыля. Главным для Правительственной комиссии был вопрос: как гасить реактор? Было принято предложение академика В. А. Легасова – сбрасывать на горящий реактор мешки с песком и свинцом. По распоряжению Н. Рыжкова все составы в стране, груженные свинцом, были

¹⁹ Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. – М.: Межд. отношения, 1992. С. 99–103.

повернуты на Чернобыль. Уже к концу дня 27 апреля к реактору было сделано 110 вертолето-вылетов. На следующий день 300 раз, а 29 апреля 750 раз тяжелые вертолеты сбрасывали песок и свинец на горящий реактор. К концу дня 2 мая на реактор было сброшено 5 тыс. тонн свинца и песка. Радиация значительно уменьшилась, но дальше увеличивать нагрузку было опасно: реактор мог уйти под землю, последствия чего были непредсказуемы.

Заседание Политбюро с обсуждением проблем Чернобыльской катастрофы состоялось 28 апреля под председательством М. С. Горбачева. Докладывал Н.И Рыжков. И в этот день, и раньше М. Горбачев приглашал к себе ведущих ученых-атомщиков, в том числе президента АН СССР А. П. Александрова, директора НИИ атомной энергии им. Курчатова академика Е. П. Велихова, а также одного из создателей атомных реакторов для АЭС, академика В. А. Легасова. Но и эти ученые в первые два дня не могли понять, что произошло, отказываясь верить в самое страшное – полное разрушение и расплавление активной зоны реактора. На Политбюро было принято решение создать оперативную группу Политбюро. Группу возглавил Н. Рыжков. В нее вошли от Политбюро В. И. Воротников, Е. К. Лигачев, Председатель КГБ В. М. Чебриков, министр обороны С. Л. Соколов, министр внутренних дел А. В. Власов. За освещение в печати и в других СМИ всех событий, связанных с Чернобылем, должен был отвечать завотделом ЦК и секретарь ЦК КПСС А. Н. Яковлев. Первое заседание комиссии состоялось 1 мая 1986 г., затем такие заседания происходили ежедневно, а то и два раза в день.

В субботу, 26 апреля, информационные агентства СССР не получили от властей никаких сообщений о катастрофе на ЧАЭС. Не было никаких сообщений на этот счет и в воскресенье, 27 апреля. Советские граждане получили первое и очень краткое сообщение об аварии в Чернобыле лишь вечером 29 апреля. Только 30 апреля страна узнала об эвакуации местного населения и о первых жертвах среди персонала станции, пожарных и милиции. Более оперативная информация стала поступать после 1 мая, когда несколько тщательно отобранных корреспондентов московских газет получили допуск в район Чернобыля. Но и в их сообщениях, подвергавшихся строгой цензуре, преобладала тема подвига, а не тема ответственности, тема героизма, а не халатности, восхищение четкостью работы спасательных служб, а не критика ошибок проектировщиков и строителей станции, ее персонала и службы безопасности АЭС. Можно было подумать, что речь идет о каком-то мощном извержении вулкана, а не о последствиях работы определенных людей и организаций.

За пределами Советского Союза также преобладали разного рода слухи и домыслы. В Европе первые сообщения о неожиданном и значительном повышении радиоактивности пришли 26 апреля из Швеции, где уже имелась собственная АЭС и вокруг нее были созданы системы контроля радиоактивности. Расчеты показывали, однако, что радиоактивность была занесена в Швецию атмосферными потоками из южных районов европейской части СССР. Но на запросы шведских властей в Москве никто никаких разъяснений не давал.

Особенно жесткий контроль за информацией о событиях в Чернобыле был установлен властями Украины и Киева. Общая радиоактивность в Киеве заметно возросла, но не до критического уровня. Атмосферные потоки двигались главным образом на северо-запад. К счастью, в эти дни в большой зоне вокруг Чернобыля не было дождей. Но приближалось 1 Мая, праздник труда. Руководство республики, несомненно при одобрении Москвы, решило не отменять большую праздничную демонстрацию. Почти все высшие деятели Украины во главе с первым секретарем ЦК КПУ В. В. Щербицким стояли на Крещатике на трибунах, хотя многие из них уже отправили в Москву свои семьи. Однако уже вечером 1 мая радиоактивность в Киеве начала подниматься, превысив в несколько раз нормы ВОЗ. Особенно сильной была радиоактивность на асфальте. Власти призвали население не открывать окна и без необходимости не выходить на улицу. Возникла паника. По свидетельству Г. Медведева, из Киева с 1 по 7 мая уехало около миллиона человек. Не хватало поездов и автобусов. Праздничные демонстрации и иные мероприятия прошли 1 мая также во всех других крупных городах Украины и Бело-

руссии. Затем возникли панические настроения, которые были особенно сильны в Чернигове и в Житомире.

2 мая в Чернобыль прилетели Николай Рыжков и Егор Лигачев. Они осмотрели район катастрофы, затем заслушали доклады членов Правительственной комиссии Щербину, Легазова, Майорца, Велихова, председателя Росгидромета СССР Ю. А. Израэля. В этот же день, оценив все сообщения химиков и медиков, Н. Рыжков принял решение об эвакуации всего населения из 30-километровой зоны вокруг ЧАЭС. Речь шла почти о двухстах населенных пунктах, и эта эвакуация началась немедленно. Покинул Чернобыль и Щербина, который уже получил здесь солидную дозу радиации. Его сменил Иван Силаев.

Из украинских руководителей в зоне катастрофы побывала только Валентина Шевченко, Председатель Президиума Верховного Совета УССР. В. В. Щербицкий от поездки в Чернобыль воздержался. Не был в Чернобыле и М. С. Горбачев. Вспоминая о своем разговоре с генсеком перед поездкой на ЧАЭС, Николай Рыжков позднее писал: «Честно говоря, я ждал, что он – глава партии и государства – тоже захочет полететь с нами. Но никакого такого желания он даже не высказал. Даже в виде предположения. Отвлекаясь от хода событий, хочу сам себе поставить вопрос: почему Горбачев проявил такую странную личную пассивность? Почему он так и не был в горящем Чернобыле? Ведь он с первых же дней своего правления усиленно и не без успеха лепил свой собственный образ любимца народа. Шел к людям, говорил с ними прямо на улицах. Он не боялся пресс-конференций. Он легко чувствовал себя под направленными в упор телеобъективами. Он умел и хотел нравиться всем. А тут – как что, так в кусты. Ведь любому ясно, сколько людских симпатий вызвало бы его даже краткое – пусть на несколько часов – появление в Чернобыле! Сколько уверенности прибавило бы оно самим чернобыльцам!»²⁰ Сходные сомнения высказывали и другие участники чернобыльской эпопеи. При этом все эти люди отмечали исключительно четкую и эффективную работу по ликвидации аварии и ее последствий самого Николая Рыжкова.

В мемуарах самого М. Горбачева о Чернобыле говорится мало. Свое собственное поведение в дни катастрофы он объясняет просто: не было нужной информации и ясности о масштабах аварии. «Считаю нужным сказать со всей откровенностью, – писал позднее М. Горбачев, – в первые дни не было ясного понимания того, что произошло – катастрофа не только национального, а мирового масштаба. Представление об ее истинных размерах формировалось по мере накопления информации»²¹. Вполне возможно, что М. Горбачев просто боялся рисковать. Хотя 5 тысяч тонн песка и свинца пригасили взорвавшийся реактор, угроза нового, еще более страшного взрыва сохранялась в течение всего мая 1986 г. 12 мая на пресс-конференции академик Евгений Велихов говорил: «Реактор поврежден. Его сердце – раскаленная активная зона, она как бы «висит». Реактор перекрыт сверху слоем из песка, свинца, бора, глины, а это дополнительная нагрузка на конструкцию. Внизу в специальном резервуаре может быть вода. Как поведет себя раскаленный кристалл реактора? Удастся ли его удержать, или он уйдет в землю? Никогда и никто в мире не находился в таком сложном положении: надо очень точно оценивать ситуацию и не сделать ни одной ошибки»²². Надо было копать тоннели под четвертым блоком и заливать их бетоном. Эту работу по созданию подземной бетонной подушки под реактором выполняли главным образом воинские части. Но сюда были направлены и тысячи шахтеров-добровольцев, которым выплачивалась громадная по тем временам заработная плата. Однако мало кто из участников этих работ вполне понимал тогда, какой опасности он подвергал при этом свое здоровье. В течение всего мая объем спасательных работ продолжал увеличиваться. Удалось откачать из-под реактора всю воду, а также прикрыть дам-

²⁰ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 170–171.

²¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 301.

²² Правда. 1986. 13 мая.

бами все озера и реки в опасной зоне. Только после 10 мая начали публиковаться данные об уровнях радиации на разных расстояниях от ЧАЭС.

Михаил Горбачев выступил по поводу катастрофы в Чернобыле по телевидению только 14 мая 1986 г. Он уклонился от анализа произошедшего и не сказал многого из того, что ему было уже известно. Горбачев сделал упор в своем выступлении «на массовый трудовой героизм при осуществлении спасательных и ремонтных работ». Он говорил также об опасности ядерной войны, «которая будет в тысячи раз страшнее Чернобыля». Однако генсек почти ничего не говорил о жертвах и последствиях уже случившейся катастрофы: на 12 мая в больницах Москвы, Киева и некоторых других городов находилось на лечении около 4,3 тысячи человек; еще несколько тысяч человек прошли обследование, но не были госпитализированы.

В июне и в июле 1986 г. опасность нового взрыва четвертого блока была устранена. Это позволило возобновить в Чернобыле работу первого и второго реакторов в штатном режиме. Украине трудно было обходиться без электроэнергии ЧАЭС. Ученые, конструкторы, инженеры-строители сумели быстро создать проект специального укрытия для разрушенного четвертого блока, которое получило неофициальное, а потом и принятое всеми наименование «саркофаг». Сооружение этого огромного, уникального, но также и дорогостоящего укрытия для продолжающего источать радиацию четвертого блока продолжалось все лето. В это же время и в Совете Министров, и в Политбюро многократно поднимался и обсуждался вопрос о судьбе не только уже работавших в стране АЭС, но и всей той большой программы строительства АЭС, которая была уже не только разработана, но и принята на ближайшие пять и пятнадцать лет. Были предложения немедленно остановить все АЭС и подвергнуть их тщательной проверке. Но некоторые из самых крупных государственных деятелей заявляли, что намеченная ранее программа строительства атомных станций в СССР должна неукоснительно выполняться. На момент Чернобыльской катастрофы советские атомщики и строители возводили в разных районах страны, в странах Восточной Европы и на Кубе более десяти новых АЭС, и некоторые из них уже готовились к пуску. В самом Чернобыле строился пятый и проектировался шестой блок ЧАЭС. Остановить сразу же всю эту работу было невозможно. В Чернобыле было заморожено строительство 5-го и 6-го энергоблоков. Однако строителям поручили быстро возвести на правом берегу Днепра близ станции Неданчичи новый город для энергетиков – Славутич. Здесь должны были жить работники Чернобыльской АЭС и их семьи, эвакуированные из Припяти после аварии на 4-м блоке. Было решено также создать специальное министерство – Минатомэнерго. Однако постепенно стала очевидна необходимость существенного пересмотра всех аспектов и всей стратегии в использовании атомной энергии в экономике страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.